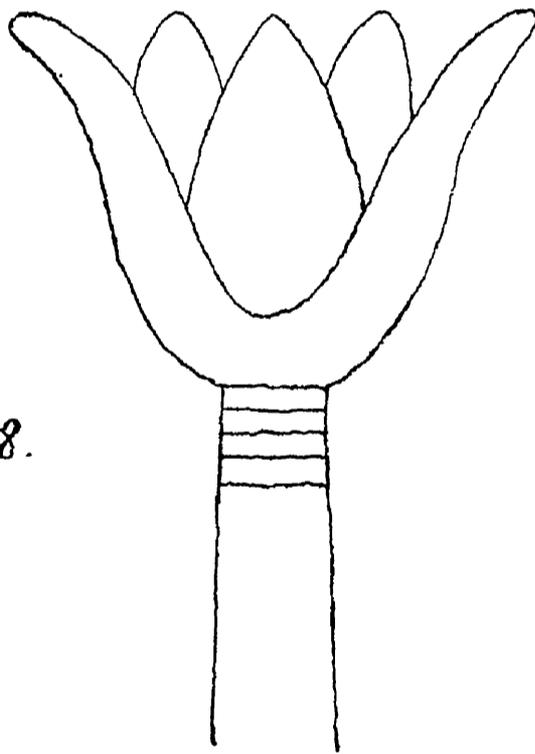

В. В. РОЗАНОВЪ.

87
—
627.

ИЗЪ ВОСТОЧНЫХЪ МОТИВОВЪ.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

№52178.

ПЕТРОГРАДЪ.

1916.

Петроградъ. Рыночная, 10.

17
16

сп 45

образомъ всѣ „12 колѣнъ“ суть „сонмъ Господень“, но — слитый кольцомъ обрѣзанія, и, слѣдовательно — „сонмъ брачный“, „брачущійся“. И именно въ точкѣ обрѣзанія, въ мѣстѣ приложенія таинственной печати — онъ становится, если позволительно такъ выразиться, „сонмствующимъ Господу“. Сейчасъ тогда объяснятся странныя переименованія, и именно въ мигъ завѣта или при его подтвержденіи: „отнынѣ ты будешь называться не Аврамъ (= „господинъ“), но Авраамъ (= „отецъ множества“), и жена твоя не Сара (= „госпожа“), но Сарра (= „высокая жена“); „ты — не Иаковъ, но — Израиль“ (= „боровшійся съ Богомъ“). Мысль этихъ переименованій въ необозримыхъ повтореніяхъ разъясняется въ символикѣ обрѣзанцевъ-египтянъ. „Не Аврамъ ты болѣе, и ты — не Сара; для меня — ты только Авраамъ и она Сарра; мое видѣніе лежитъ на этомъ второмъ въ васъ, но собственно — для меня — главнымъ лицѣ“¹⁾. Отрицаніе и утверженіе, здѣсь слитыя, выражены въ вѣчномъ отрицаніи въ египетскихъ изображеніяхъ собственно „лица“ въ человѣкѣ, его „головы“, на мѣсто которой приставляется что-нибудь, какая-нибудь чужая голова, взятая съ котораго-нибудь животного; „животная“ голова, — при сохраненіи и даже богатой разработкѣ собственно человѣческаго тѣла, при удержаніи и даже богатомъ выявленіи Авра-ама, Сар-ры.

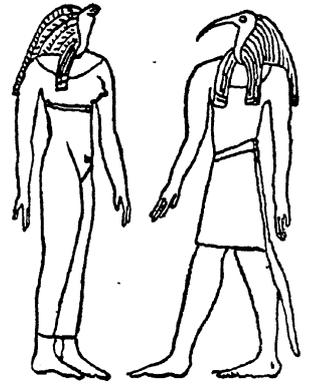

Рис. 7. Обыкновенныя у египтянъ преобразованія фигуры человѣка (лицо змѣи, лицо птицы).

1) Фигура человѣческая вообще распадается на нѣсколько „сосредоточеній-лицъ“. Она какъ бы выпускаетъ изъ себя нѣсколько рѣкъ, и каждая рѣка имѣетъ свой „выходъ въ море“, т. е. выходъ въ міръ, выходъ въ Космосъ. И вотъ эти-то „устья въ міръ“ и суть въ фигурѣ человѣка — лица. Именно, человѣкъ имѣетъ: 1) голову и ея лицо — источникъ умственного, духовнаго свѣта; 2) половую сферу — откуда онъ повторяетъ себя, откуда онъ уходитъ въ будущее, въ вѣчность; 3) ступни ногъ — движеніе, странствованіе, перемѣщеніе; 4) кисти рукъ — работа, трудъ, созиданіе. „Талантъ“ лица — „нравиться“, „выражать душу“, говорить, убѣждать, проповѣдывать; „талантъ“ половой сферы — обильное и главное прочное, живучее, жизнѣдательное потомство; „талантъ“ ногъ — путешествіе, странствованіе, танецъ; „талантъ“ кисти руки — техника, искусства, мастерства. Обращаясь къ „половому лицу“, мы должны замѣтить, что главная часть нашей фигуры („корпусъ“) имѣетъ явно „переднее“ — „заднее“, „правое“ — „лѣвое“, „верхнее“ — „нижнее“. Причемъ эти „двойшки“, „удвоенныя части“ явно сходны, близки, аналогичны другъ другу. И такъ какъ „половая сфера“ есть „низъ относительно головы“, то мы должны, всматриваясь, угадывать въ ней аналогію головы. Въ разительномъ рисункѣ „Французской экспедиціи Бонапарта въ Египетъ“ (фоліантъ V, табл. 69) я нашелъ приложъ на стр. 31-ой изображеніе (рис. 5), и не могу не сказать, что мысль моя о „лицахъ въ человѣкѣ“ не могла бы получить никакого лучшаго графическаго изображенія, чѣмъ какъ сдѣлано на этомъ рисункѣ: женщина держитъ повтореніе своего лица, головы своей, — вмѣстѣ съ тѣмъ преобразенное чуть-чуть въ лицо и голову Изиды (коровьи уши на человѣческой головѣ, — всегда принадлежность Изиды) опустивъ ее до уровня половой своей сферы, какъ бы заслонивъ ею половую сферу, какъ бы представляя вмѣсто своей половой сферы — эту голову Изиды, и лицо ея. Вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что въ то время какъ опущенное къ низу лицо есть именно Изидино, по атрибутамъ и особенностямъ, — опустила его простая египтянка, и голова ея не имѣетъ никакихъ даже самыхъ обычныхъ украшеній и убора. Слѣдующій рисунокъ б говоритъ это еще отчетливѣе: изображенное на немъ можно принять, по округленному чертежу, по овальной формѣ, какъ бы за рожденіе лица изъ себя, за рѣды изъ себя головы.

Всѣ читаемыя въ Библии переименованія, раздвоенія человѣка, съ отверженіемъ въ немъ одного лица и укрѣпленіемъ второго, — лица плодоношенія, — безмолвно все это сказано до сихъ поръ неразгаданною особенностью художествъ въ дельтѣ Нила, „священныхъ“ художествъ. Тамъ и здѣсь, у евреевъ и въ Египтѣ, раскрыто лицо завѣта: — то, которое поглотило обѣтованія, и отвѣтно за нихъ поклялось въ вѣрности, принявъ кровавую печать, связавъ свободу.

Что такое ритмъ брака? Каждое біеніе его пульса такъ кратко, стѣснено во времени, что мы можемъ что нибудь разсмотрѣть здѣсь лишь черезъ фотосферу окружающихъ явленій. Это — семья; и тамъ — ея родникъ; секунда, гдѣ она выникаетъ изъ небытія. Семья — ближайшее и самое дорогое для насъ отечество; пространственно — это мѣсто самыхъ горячихъ связей, духовно — это мѣсто совершеннаго идеализма, живого, лучащагося. Но въ узлѣ этихъ лучей — неразглядываемое, темное пятно таинственныхъ „прилѣпленій“. Въ нихъ еще вчера „Авраамъ“, „гражданинъ“, „философъ“ — разлагается въ „отца“ и „дитя“, вырастаетъ въ „отца множества“ (Авраамъ); вчера дѣвушка — сегодня разлагается въ „дитя“ и „мать“. Построеніе земного человѣка, — начнется оно послѣ этого или нѣтъ, — уже составитъ другую, болѣе внѣшнюю и, очевидно, менѣе важную, зависимую и обусловленную сторону. Замѣчательно, что значительность какъ и сладость секунды лежитъ въ чисто внутренней, субъективной сторонѣ само-разложенія, а вовсе не въ осязательной его сторонѣ. Но обратимъ вниманіе на фотосферу. Семья есть, конечно, „животный“ союзъ, точка „животныхъ“ счлененій мужа и жены, и — расчлененія двухъ въ „животное“ — же множество (дѣти). Поразительно, что, при безспорно „животномъ“ существѣ, семья имѣетъ безспорно же мистическое, религіозное существо. Именно, счленяясь и расчленяясь, она померкаетъ въ лицѣ, „Авраамъ“, но въ это же время мистическое „дыханіе“ пронизываетъ ее и она является какимъ-то многоглавымъ Авраамомъ, „многоочитымъ“, „исполненнымъ внутреннихъ очей“ животнымъ. Сплетеніе „животнаго“ и „религіознаго“ въ ней поразительно, очевидно. Какая скорбь матери о болящемъ ребенкѣ! ревнивое охраненіе мужемъ незагрязненности дома! невольное требованіе отъ дѣтей особой, религіозной почтительности! Это — начинающаяся религія, это — очевидно религіозный союзъ, т.-е. уже религіозная связь: и все — изъ неразглядываемаго, темнаго пятнышка „счлененій“. Малѣйшее загрязненіе этого пятнышка раскалываетъ до глубины семью; дѣти болѣе не нужны и брошены; кинута жена, или оставленъ мужъ. Здѣсь полегла такая сила утверждений, которая не выноситъ внесенія въ себя никакого отрицанія, ни соринки. Какъ часто жена, узнавъ объ измѣнѣ мужа, ищетъ могилы; какъ часто, съ кровавыми слезами, мужъ губитъ даже предпологаемо измѣнившую (Дездемона). Въ „чемъ“ измѣнившую? — какой, казалось бы, „взоръ“. Вспомнимъ глубокую тоску Пушкина при попыткахъ загрязнить его домашнюю жизнь; обратимъ еще вниманіе, что у нашего духовенства, ко-

торое очень мало занято романтической стороною брака и имѣетъ серьезный и положительный взглядъ на плотское соединеніе, семейный и вообще родствен- ный укладъ отличается часто поразительною, трогательною нѣжностью и тепло- той. Въ любопытномъ возраженіи архіеп. Никанора на „Крейцерову сонату“ приведено наблюденіе, безспорно не сочиненное: что въ очень счастливыхъ случаяхъ супруги и внѣшнимъ обликомъ сближаются другъ съ другомъ, на- чинають походить лицомъ одинъ на другого. Тяжесть брака вся лежитъ въ его „животномъ“ ритмѣ: тутъ онъ таинственъ, мистиченъ; отсюда — его теплота, свѣтъ. Но если мы сравнимъ до-брачныя пушкинскія

Игры Вакха и Киприды..

съ его же послѣ-брачною серьезностью, когда онъ запѣлъ:

Отцы пустынники и жены непорочны..

то мы будемъ поражены разностью психическаго воздѣйствія однихъ и тѣхъ же физиологически пульсацій. Мы здѣсь не должны ничего преувеличивать и ничего уменьшать; должны быть безмѣрно внимательны, ибо кружимся около глубочайшей тайны бытія человѣческаго. Пушкинъ еще легкомысленно стано- вится мужемъ, не предугадывая духовныхъ послѣдствій; онъ — совершенно не религіозенъ; вся перемѣна, какую мы вправѣ противъ прежняго предполагать у него, заключается въ иной точкѣ зрѣнія, въ иномъ и болѣе сосредоточен- номъ ощущеніи въ „прилѣпленіяхъ“. И невольно, еще легкомысленный вчера, онъ сегодня становится задумчивѣе, завтра начинаетъ искать новыхъ книгъ и совершенно противоположныхъ прежнимъ впечатлѣній. Пушкинъ — „возро- ждается“ — какъ и отмѣтилъ это онъ самъ въ чудномъ стихотвореніи; и возро- ждающая сила лежитъ въ сосредоточенно-тяжеломъ, внимательно-заботливомъ отношеніи однако къ совершенно и безспорно плотской пульсаціи. Уголь зрѣ- нія у него мѣняется; и гораздо раньше, чѣмъ рождается у него ребенокъ и начинается полная семья, мы видимъ его уже другимъ. Лермонтовъ, который постоянно сосредоточенъ на этихъ таинственныхъ „мгновеніяхъ“ и вся его поэзія есть только преобразование ихъ почти до размѣровъ цѣлой вселенной, — постоянно и неразрушаемо, не отвлекаемо серьезенъ:

Дамъ тебѣ я на дорогу
 Образокъ святой;
 Ты его, моляся Богу,
 Ставь передъ собой,
 Да кидаясь въ бой опасный,—
 Помни мать свою...

Это — открытіе въ немъ „отчества“; конечно, это — „отецъ“ поетъ, — „отецъ множества“, по Божьему переименованію Аврама, распустившійся до нѣги матери, до слянія „съ ея лицомъ“ по опредѣленію Архіеп. Никанора. Мы хо- тимъ сказать, что въ „секундахъ“ брачныхъ, которыя всегда даютъ или имѣютъ силу дать дитя, — есть, кромѣ этого, еще другой мистически-духовный свѣтъ,

который при сосредоточенности на нихъ ума или воображенія подчиняетъ себѣ эти способности и преобразуетъ ихъ глубоко, до неузнаваемости, до противоположности съ прежнимъ. Именно, эти „секунды“ разливаютъ какое-то „ветхое деньми“ отчество, какое-то „древнее“ материнство — на теоретическую часть духа. Это какъ съ матерями физиологически случается, что у нихъ при кормленіи „молоко“ бросается „въ голову“: такъ свѣтъ „отчества“ въ миги таинственныхъ разложеній „ударяетъ въ голову“, и человѣкъ, вчера пѣвшій объ

Играхъ Вакха и Киприды,

завтра начинаетъ пѣть —

Отцы пустынники...

Дѣвушка, вчера исполненная романтизма, завтра, ставъ „высокою женою“ — серьезнѣетъ. Это такъ для наблюдателя замѣтно, что лишь отъ самаго поверхностнаго ума скроется. Въ „Крейцеровой сонатѣ“ есть прекрасное замѣчаніе, что черезъ недѣлю послѣ вѣнчанія Позднышевъ увидѣлъ жену задумавшеюся и, подойдя, — хотѣлъ опять начать „играть съ нею“, но, отведя его руку, она горько зарыдала. Смыслъ „Крейцеровой сонаты“ всетаки и до сихъ поръ не раскутанъ; вполнѣ удивительно и ошибочно, что его не захотѣлъ раскрыть самъ авторъ, повидимому „skonфузившись дѣла“. Тайна въ томъ, что половые „миги“ при цѣломудренномъ и религіозномъ ихъ ощущеніи, открывая и въ насъ, „подобіи и образѣ“, предвѣчное отчество и предвѣчное материнство, единственно и впервые и вполнѣ ставятъ насъ на высоту человѣка. И нѣтъ книгъ, бесѣдъ, нѣтъ вообще способовъ познанія и чувства, которые такъ реально и могущественно, обливая этими предвѣчными чертами второе „логическое“ въ насъ лицо, просвѣтляли бы его и углубляли. Позднышева зарыдала, ибо она обманулась въ цѣломудренныхъ дѣвичьихъ предчувствіяхъ; въ ней зарыдала „высокая жена“ (Сар-ра), которая вдругъ почувствовала, что ея мужу — ничего не понятно въ бракѣ, что для него въ немъ все —

Игры Вакха и Киприды...

что никогда, никогда онъ ее не сдѣлаетъ „праведною израильтянкою“. Но намъ пора перейти отъ этой минутной иллюстраціи къ израилю.

Густая и свѣтящаяся мгла его, это „облако днемъ и какъ бы огонь ночью“, есть свѣтъ и мгла вѣчныхъ сочлененій подъ религіознымъ угломъ зрѣнія, пролитомъ на нихъ въ „обрѣзаніи“. „Таинство брака“, которое для насъ есть разъ въ жизни, и память его все хладѣетъ, — для израильтянъ есть таинство ритмическихъ біеній въ бракѣ, изъ коихъ каждое имѣетъ всю силу перваго, — и имѣетъ ту специфически-религіозную высоту, которую мы перенесли на слово о бракѣ. Т. е. для нихъ таинство есть ткань жизни, самое снованіе ткущаго челнока, черезъ который —

По вѣчнымъ, великимъ
Желѣзнымъ законамъ
Кругъ нашей жизни
Всѣ мы свершаемъ (Гете).

Позднышева, и всякая цѣломудренная дѣвушка, всякій въ цѣломудріи блюду-
щій себя мужъ (у Толстаго — Левинъ; см. его волненія и чувство покаянія
передъ бракомъ) смутно это предчувствуютъ. У нашихъ „купцовъ“, гдѣ все-
таки есть много серьезнаго, на свадебномъ вечерѣ невѣста не танцуетъ; она
приготовлена къ таинству и не должна разсѣяться. Вообще инстинкты цѣло-
мудрія всѣ тянутъ сюда, на „высоту“, и здѣсь... Здѣсь мы вдругъ начинаемъ
постигать весь семито-хамитическій Востокъ.

„Географическая территория передней Азіи есть родина всѣхъ трехъ
монотеистическихъ религій“ — заучиваемъ мы въ дѣтствѣ, по учебникамъ
географіи. И это такъ любопытно, что и въ зрѣломъ возрастѣ мы не уста-
емъ размышлять объ этомъ, а наука пытается проникнуть въ это въ своемъ
родѣ историческое таинство. Сейчасъ еще одинъ примѣръ — это Рафаэль: онъ
жилъ въ атеистическомъ Renaissanc'ѣ, когда религиозный скептицизмъ заплески-
валъ даже папскій престоль. Когда умеръ папа Николай V, въ его ком-
натахъ не нашли даже Евангелія: онъ все собиралъ античныя рукописи и
умеръ окруженный ими. Едва ли есть причины думать, и по крайней мѣрѣ нѣтъ
никакихъ біографическихъ данныхъ, чтобы Рафаэль имѣлъ инныя точки зрѣ-
нія. Что же однако онъ рисовалъ? — Да все это:

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой...

— вѣчныя дитя и мать; почти отсутствіе взрослыхъ мужскихъ фигуръ, или по
крайней мѣрѣ — не замѣчательныя; дитя и около него иногда еще другое,
товарищески-играющее; иногда — „завѣса“ ликовъ, цѣлый „воздухъ“ ликовъ, но
непремѣнно — дѣтскихъ, т. е. съ материнской влагой на глазахъ, едва проснув-
шихся къ зрѣнію міра... Истинно „многочитая“ плоть... Если всмотрѣться въ
тайну его живописи, то безъ труда можно замѣтить, что она и сводится къ
этой собственно почти влагѣ чрева — еще не высохшей на вѣкахъ, на щеч-
кахъ, на губкахъ дѣтскихъ ликовъ: и вотъ она-то имъ и сообщила ту свя-
тость, которую ясно и безспорно мы читаемъ у своего 3—6—7—ми мѣсяч-
наго дитяти, если внимательно, часы не отрываясь, станемъ смотрѣть на него.
И материнскія лица также имѣютъ у него то невыразимое передъ иною живо-
писью преимущество, что, устремленные на дитя, — еще какъ будто про-
должаютъ чувствовать его біеніе подъ сердцемъ. Вотъ его тема. Причемъ онъ
бралъ сюжеты и пользовался ими съ такою-же свободою, какъ Шекспиръ —
средневѣковыми хрониками. Во всякомъ случаѣ безспорно, что одинаковые
сюжеты, и по сейчасъ остающіеся передъ всѣми художниками, не вызвали ни

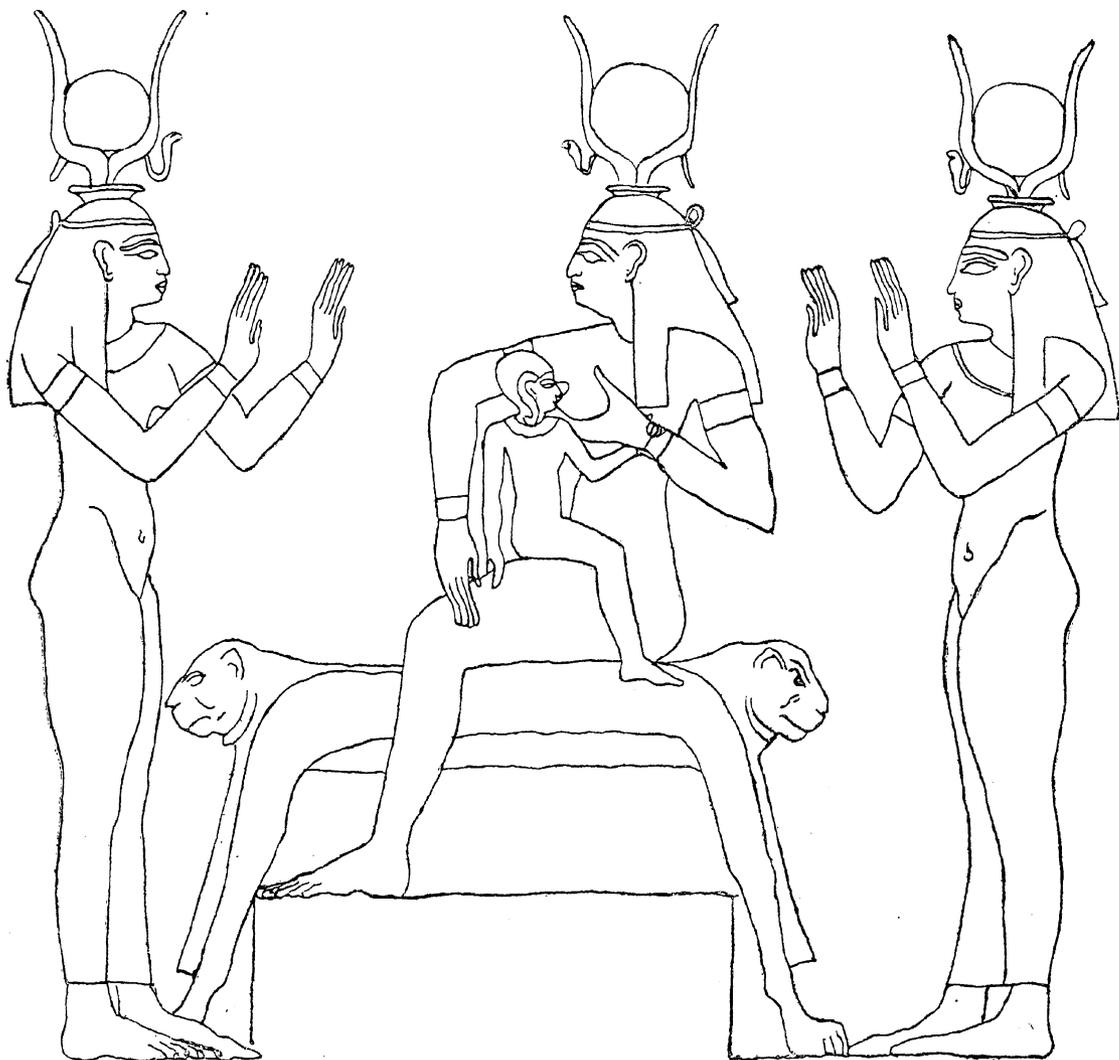

Рис. 8. Рафаэль за 3.000 лѣтъ до Рафаэля. Какъ Рафаэль „молился“ на свой сюжетъ, такъ двѣ египтянки будто говорятъ кормящей матери: „Благословенна ты, питающая! И да согрѣетъ тебя солнышко, какъ ты сама грѣбешь мѣръ“. Руки ихъ явно благословляюще подняты надъ нею. Изображеніе это повсемѣстно въ египетскихъ храмахъ; египетскіе храмы пропитаны и такъ сказать „засахарены“ имъ, какъ чай опущеннымъ въ него сахаромъ.

у одного изъ нихъ рисунка и колорита, одинаковаго съ Рафаэлевскимъ, который почти не хотѣлъ и не умѣлъ рисовать еще чего нибудь, кромѣ матери и дитяти. Итакъ, то специфическое, что есть въ его созданіяхъ, течетъ очевидно не изъ опредѣленныхъ и конкретныхъ сюжетовъ, „съ именемъ и отчествомъ“, не изъ темъ вычитанныхъ, но — изъ существа художника, струившагося единственною темою материнства... „Небеснаго“ материнства, теперь-то уже мы можемъ сказать, ссылаясь на колоритъ его картинъ. Намъ

все хочется сказать, что „отчество“ - „материнство“ въ точности — не стихійной природы; родникъ этого — не въ „красной глинѣ“, образующей составъ нашихъ костей и мускуловъ. Что здѣсь, а слѣдовательно и въ субъективныхъ разложеніяхъ въ „отца“ - „дитя“ или въ „дитя“ - „мать“, т. е. въ самомъ ритмѣ брака, человѣкъ выходитъ изъ узъ „красной глины“, изъ подневольности „стихіямъ“, — и возвращается къ древнимъ основамъ бытія своего, небесной своей родины... И что-то „отческое“ и вмѣстѣ „ветхое деньми“, касаясь „состава бедра его“, — производитъ въ немъ и содраганіе, и сладкое ощущеніе, и пукъ духовныхъ и мистическихъ преобразованій, который мы отмѣтили выше. Вотъ даже для насъ, для размышляющаго созерцанія — внутреннее и лишь приблизительное содержаніе мига. Но вернемся же къ Востоку.

И, для начала, войдемъ въ Скинію ковчега, въ святилище, и рассмотримъ устройство въ немъ свѣтильника. Вотъ какъ „рабъ Божій“ Моисей передаетъ въ 25-й главѣ „Исхода“ повелѣніе устроить его: „И сдѣлай свѣтильникъ изъ золота чистаго; чеканный долженъ быть онъ; стебель его, вѣтви его, чашечки его, яблоки его и цвѣты его должны выходить изъ него; шесть вѣтвей должны выходить изъ него: три вѣтви изъ одного бока и три вѣтви изъ другого бока его; три чашечки на подобіе миндальнаго цвѣтка, съ яблокомъ и цвѣтами, должны быть на одной вѣтви, и три чашечки на подобіе миндальнаго цвѣтка на другой вѣтви, съ яблокомъ и цвѣтами. Такъ на всѣхъ шести вѣтвяхъ, выходящихъ изъ свѣтильника. А на стеблѣ свѣтильника должны быть четыре чашечки на подобіе миндальнаго цвѣтка съ яблоками и цвѣтами; у шести вѣтвей, выходящихъ изъ стебля свѣтильника, яблоко подъ двумя вѣтвями, и яблоко подъ третьими двумя вѣтвями его; яблоки и вѣтви ихъ изъ него должны выходить... Смотри, — сдѣлай все, какъ Я показалъ тебѣ (т. е. какъ „показалъ“ не словомъ, а — жестомъ, или, даже, вѣроятно самымъ начертаніемъ, — на горѣ Синаѣ).

Это—что-то напоминающее сестеръ Рахиль и Лію, соперничающихъ одна съ другою въ чадородіи, и еще дающихъ мужу своему, Іакову, для того-же заберемененія, служанокъ Валлу и Зелфу („Бытіе“, гл. 30). Мы говоримъ о множествѣ символовъ въ устройствѣ свѣтильника, при чемъ всѣ эти символы суть символы плодоношенія, родовъ. Но взглянемъ же еще разъ на него: „И сдѣлай къ нему семь лампадъ, и поставь на него лампы его — чтобы свѣтили на переднюю его сторону“ (стихъ 37). Вотъ, въ миньютюрѣ, весь Израиль: несущій, какъ свѣтильникъ передъ собою, свое чадородіе; „дубъ мамврійскій“, вѣчно сочленяющійся, весь состоящій изъ „стеблей“, „вѣтвей“, „миндальныхъ цвѣтовъ“ и „яблочковъ“ (Гранатовыя яблоки — возбудитель плодородія у женщинъ); но, въ противоположность намъ, — съ лампадою въ точкѣ каждаго сочлененія. Ааронъ входитъ въ святилище; на немъ ефодъ, священная одежда: „И сдѣлай по подолу ея яблоки изъ нитей голубого, яхонтоваго и пурпураваго

цвѣта; такого вида яблоки и позвонки (колокольчики для звона) золотые между ними кругомъ: золотой позвонокъ и яблоко, по подолу верхней ризы кругомъ“ (Исходъ, гл. 28, ст. 33). Въ святилище входятъ только потомки Аарона, не всѣ, но достойные: „У кого на тѣлѣ есть недостатокъ — тотъ не долженъ приступать къ святилищу: ни — хромой, ни — уродливый, ни — такой, у котораго переломлена рука или переломлена нога, ни — горбатый, ни — съ сухимъ членомъ, ни — съ бѣльмомъ на глазу; недостатокъ на немъ, по этому не долженъ онъ приступать, чтобы приносить хлѣбы Богу своему“ (Левитъ, гл. 21). Это такъ поразительно: священнослужитель долженъ представлять цѣлое и чистое тѣло, и это сливается или, точнѣе, это замѣщаетъ наше требованіе вѣры — „чистоты и неповрежденности въ ея исповѣданіи“. Но требованіе цѣлости и чистоты тѣла стоитъ на второмъ мѣстѣ: „Первое условіе, которому долженъ былъ удовлетворять священникъ, есть чистая кровь — священникъ не могъ быть женатъ на вдовѣ, на бывшей въ плѣну, на прозелиткѣ или отпущенной¹⁾. Еще строже были правила для первосвященника. Онъ могъ жениться только на дѣвицѣ, предварительно изслѣдовавши ея родословную“ (Н. Переферковичъ: „Талмудъ, его исторія и содержаніе“. Спб. 1897 г., стр. 111). Вотъ странное „богословіе“, въ которомъ они испытываются; и мы ожидаемъ встрѣтить великія странности въ религіи.

Она не имѣетъ храмовъ; „стѣна плача“ есть остатокъ отъ единственнаго, послѣ котораго евреи не воздвигаютъ другихъ; синагоги суть училищные дома и дома общественнаго собранія, безъ всякаго богослужебнаго въ себѣ значенія. Но и въ единственномъ храмѣ въ чемъ же состояло „богослуженіе“? Это — вѣчныя „очистительныя“ жертвы, по-утру или въ-вечеру, по требованію частныхъ приходящихъ лицъ; или, въ нѣкоторые сроки, жертвы за цѣлый народъ. Храмъ есть точка всеобщаго для „12 колѣнъ“ очищенія. Какъ-бы сказано молча и таинственно: „чистись и чистись, Израиль“, — „будь здоровъ и здоровъ“, — „ни единой болячки на себя не допускай“. Точно будто въ тѣлесной его непривлекательности есть что-то отталкивающее для За-вѣтотателя: и какъ это продолжаетъ мысль обрѣзанія! „Нездороваго — Я не хочу“. Явно²⁾. При мысли о религіи у насъ возникаетъ непремѣнно мысль

¹⁾ Г-нъ Переферковичъ здѣсь не точенъ въ языкѣ: онъ упоминаетъ о „чистой крови“, т. е. о „породѣ“, о „предкахъ“, о „происхожденіи“. Между тѣмъ самъ-же дальше говоритъ о „невѣстѣ“ и „женѣ“: но это не „чистота крови“ вовсе, а — „чистота совокупленія“, т. е. строгая и особенная вывѣренность, куда и въ кого будетъ поступать сѣмя священника или первосвященника. Блюдется „чистота сосуда“, — и лишь потомъ и зависимо это переходитъ и въ чистоту крови.

²⁾ Замѣчательно, — и, собственно, вскрываетъ все провиденціальное значеніе Израиля, — что источникомъ и первообразомъ „нечистоты“ у евреевъ, еще отъ Моисея и по сейчасъ, считается „трупъ“, „мертвое тѣло“. По Талмуду это — „отецъ отцовъ нечистоты“, т. е. „источникъ источниковъ всего нечистаго“. Если-бы не вялое воображеніе ученыхъ: сколько-бы мыслей родилъ у нихъ одинъ этотъ фактъ, этотъ законъ и принципъ „отъ подошвы Синая“!! — Вспомнимъ еще разъ устройство свѣтильника въ скинии, и снова перебросимся мыслью къ этому принципу о „трупѣ“: что же лежитъ въ про-

объ исповѣданіи: религія есть кругъ вѣдѣнія, словесно выраженнаго; напротивъ, у евреевъ религія есть сложное дѣланіе, почти молчаливое, почти безъ объясненій, но—съ молитвами. Причемъ, однако, выполнение первенствуетъ надъ молитвою. Эти-то „дѣланія“, совершенія, и образуютъ повседневный и годичный ихъ ритуаль, т. е. образъ жизни, „суботы“, „новомѣсячія“, „очищенія“, и, въ центрѣ и началѣ всего—„обрѣзаніе“. Религія у нихъ есть пульсъ жизни—это очевидно; у насъ это есть образъ мышленія—это также очевидно. Мы видимъ великое расхожденіе арійскихъ и семито-хамитическихъ племенъ. Арійцы суть племя логическаго выраженія; скажемъ полнѣе: они выражаютъ въ исторіи второе лицо въ чловѣкѣ,—отраженной, лунной природы, — родникъ „наукъ“ и „искусствъ“, „государствъ“ и „гражданства“; вездѣ—порядокъ слова, или если и вещей—то черезъ слово выражаемыхъ, въ словѣ связываемыхъ, черезъ слово преобразуемыхъ, и „о словѣ и въ словѣ живущихъ“. Если позволительна шутка при обсужденіи важной темы, мы выразились бы, что арійцы несутъ свою идею и миссію „на кончикѣ носа, горделиво его подымая“,—и всегда на протяженіи цѣлой исторіи всего болѣе страшась, чтобы, проходя мимо, кто-нибудь „не задѣлъ другого по носу“. Это—начало и признакъ личной и духовной гордости. Революція и реформація, эти типичнѣйшіе феномены европейской исторіи, были битвою „символовъ“ исповѣдуемыхъ, словъ исповѣдуемыхъ, борьбою и кровоизліяніемъ „изъ высоко несомыхъ носовъ“. Мы шутимъ, но тутъ есть чуть-чуть вѣковѣчной правды, и читатель легко переведетъ краткія строки въ обширныя размышленія и на совершенно серьезныя тоны. Хамито-семиты понесли идею свою и миссію въ точкѣ обрѣзанія (финикійцы, см. у Геродота во 2-й книгѣ, также обрѣзывались),—т. е. въ точкѣ реального выявленія чловѣка; и, если позволительно сравненіе, въ „ликѣ же чловѣческомъ“, но уже—„отческомъ“ и „материнскомъ“, т. е. въ первомъ и главномъ, но сокровенномъ въ насъ, „не отъ сего міра“, лицѣ. Они не имѣютъ нашихъ „наукъ“, не захотѣли „искусствъ“, явно отвращаются отъ „государственности“. Они суть ткачи самой жизни,—суть таинственные жизнетворцы. Но это ими постигнуто

тивоположной точкѣ, въ обратномъ полюсѣ съ „трупомъ“, съ „мертвымъ тѣломъ“?! Да—созиданіе тѣла, т. е. его зачатіе, которое есть вмѣстѣ мигъ величайшаго одушевленія отца и матери. Хотя нигдѣ въ Библии не сказано, но изъ „отблеска“, изъ „высвѣчиванія“ ея, изъ вѣчной радости о зачатіи и молитвословія при этомъ, можно безошибочно заключить, что вотъ это-то зачатіе и есть „отецъ отцовъ чистоты“ для Израиля. И въ ритуаль, до сихъ поръ хранимомъ, есть слѣды такого пониманія. Напр. еврейка, не погрузившись въ воду „святой миквы“ (нѣчто въ родѣ общей ванны), т. е. именно въ тѣлѣ не освятившись,—не можетъ брачно приблизиться къ мужу; равно невѣста, т. е. казалось-бы совершенно чистая дѣвушка, безъ такового-же предварительнаго погруженія въ микву—не можетъ соединиться съ женихомъ и мужемъ. См. объ этомъ любопытнѣйшемъ требованіи прекрасный этнографическій очеркъ г. Литвина: „Замужество Ревекки“. Еще любопытнѣе, что передъ бракомъ у еврейки обстригаются всѣ роговыя части на тѣлѣ, напр. ногти на тѣла, часто съ пораненіемъ: „въ нихъ не течетъ крови“, т. е. они „не живы“, и слѣдов. похожи на „трупъ“. На этомъ основаніи шерстяная одежда, т. е. изъ роговыхъ мертвыхъ частицъ, была запрещена при входѣ въ skinію священника мѣ. „Богъ“ не можетъ обонять трупа, ибо Онъ есть „Отецъ-податель жизни“.

въ глубинахъ, которыя совершенно скрыты отъ арійцевъ; и, мы можемъ довѣряться,—постигнуто семито-хамитами истинно. Эти глубины „обрѣзанія“ не суть открывшаяся арійцамъ глубь; намъ открыты глубины философіи, наукъ, права, широкой общественной дѣятельности. Но мы безъ труда догадываемся, что всѣ наши глубины лишь плаваютъ на поверхности тѣхъ семито-хамитическихъ глубинъ. И если, конечно, великъ и удивителенъ „Discours de la méthode“ Декарта, то удивительнѣе и больше его—самъ Декартъ, „рожденный“ и „рождавший“.

Религія ритуала и „очищеній“ есть именно религія жизненной ткани, снованій станка—

По вѣчнымъ, великимъ,
Желѣзнымъ законамъ...

Мы одѣваемся въ эту ткань, мы ею пользуемся; кой-какъ и сами ткѣмъ, но, поверхностно здѣсь все видя, вовсе не понимаемъ „высоты“ ткани, ея „доброты“, и вообще все здѣсь путаемъ, сажаемъ узлы, рвемъ. И тутъ...

Тутъ вдругъ освѣщаются для насъ всѣ сиро-финикійскія „высоты“, и становится понятенъ Соломонъ, совершающій „куренія на высотахъ“; понятно и оплакиваніе „дѣвства своего“ дочерью Іеффая, для чего она пошла именно въ „горы“, т. е. какъ-бы врожденные, отъ начала міра сушія, „высоты“. — „И не познала мужа“—замѣчаетъ лѣтописецъ: какъ бы она проронила и разлила какое-то священное тайнство...

Когда волнуется желтѣющая нива...
И серебристый ландышъ мнѣ киваетъ...
...тогда я вижу Бога—

это сейчасъ, въ наши дни—реакція къ Израилю; какъ и Рафаэль есть реакція въ сторону „высоты“; и ожиданія Позднышевой, зарыдавшей, что она никогда „не взойдетъ на высоту“ брака. Вся Передняя Азія, Сирія и, дальше, дельта Нила,—эта не разгаданная историками территория,—и есть территория „высокаго“ пониманія ритмическихъ біеній пола. И, одновременно, это суть страны, гдѣ вспыхнули еще въ ветхой древности первыя „лампады“, и отъ этихъ лампадъ зажегся религіозный свѣтъ и для всего міра. Но, первоначально: почему именно въ геодезическомъ смыслѣ „высоты“ избирались „для куреній“? Кто когда-нибудь смотрѣлъ въ долину съ возвышеннаго мѣста, испытывалъ безъ сомнѣнія чувство странной, но именно психической, легкости и какъ бы воздушности себя, почти „крылатости“ своего существа¹⁾. Въ Библии мы почти не встрѣчаемъ идей о загробной жизни, ни о воздаяніи тамъ, ни—о наказаніи; и смерть—какъ она легка! „Разрѣшены ея узы“!! „Приложился къ отцамъ“, „пошелъ въ путь всей земли“ (о кончинѣ Авраама). Не менѣе странно почти отсутствіе идеи „грѣха“, по крайней мѣрѣ какъ

¹⁾ Отсюда, т. е. опять въ связи съ „высотами“ и „высокимъ“ пониманіемъ брака,—идея „крылатыхъ“ существъ, „окрыленныхъ“ изображеній, ранѣе всего появившаяся въ Египтѣ и Вавилонѣ.

Рис. 9. Египетскія херувимо-образныя существа. Очень рѣдкое изображеніе. Взято изъ 12-го фоліанта экспедиціи Прусскаго правительства въ Египетъ и Еѳіопію, 1842—45 гг., подъ руководствомъ Рихарда Лепсіуса.

Рис. 11. Халдейскія крылатыя изображенія (съ Вавилонской цилиндрической печати).

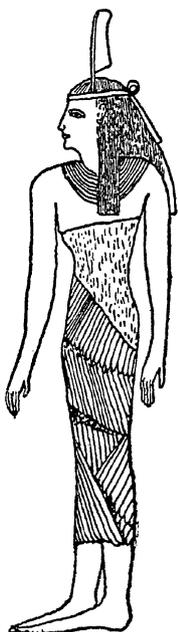

Рис. 10. Египетское крылатое изображеніе (повсюду въ храмахъ).

чего-то томительно тянущаго долу, „смертнаго“. Самые проступки, порой ужасные по люлости, имѣють однако что-то воздушное и легко разсѣивающееся въ себѣ. Собственно, только одно осуждается, и всегда осуждается: сокращеніе жизни, т. е. убійство. Но оно такъ ужасно разрушаетъ и идею обрѣзанія-чадородія!!! Остальное-же все рѣшительно отпускается человѣку, и напр. чадорожденіе ширится всюду, всячески и невозбранно. Тѣ чадорожденіе, которое у насъ приняло почти всю „полноту грѣха“ и за него всю „полноту мести“. И около этого какъ-то странно облегченнаго существованія — лампы, необозримыя міриады ихъ: точно небо опустилось къ землѣ, и это его звѣздочки повисли надъ скиніей, въ скиніи, вокругъ скиніи!!! Но поразительно: онѣ зажглись вовсе не въ одномъ Израилѣ, но на всемъ широкомъ пространствѣ „обрѣзанія“, — и, напимѣрь мы съ великимъ удивленіемъ читаемъ у Геродота: „На праздникѣ въ Саисѣ (городъ въ дельтѣ Нила), въ одну изъ ночей, во время жертвоприношенія — всѣ собравшіеся сюда зажигаютъ множество лам-

Рис. 12. Финикійское крылатое изображеніе (съ монеты города Библоса, на берегу моря).

падъ, подъ открытымъ небомъ, вокругъ дома, при чемъ вмѣстилищемъ для масла служитъ чашка, куда положено нѣсколько соли, и сверху плаваетъ свѣтильня. Эти лампы горятъ цѣлую ночь, и самый праздникъ на-

зывается— Возженіемъ Лампадъ. Тѣ изъ далеко живущихъ египтянъ, которые не попадаютъ на празднество, всетаки соблюдаютъ эту праздничную ночь, и сами вокругъ домовъ своихъ возжигаютъ лампы. Благодаря этому, огни горятъ не въ одномъ только Саисѣ, но по цѣлому Египту. Ради чего эта ночь освѣщается и почитается, объясняется въ одномъ

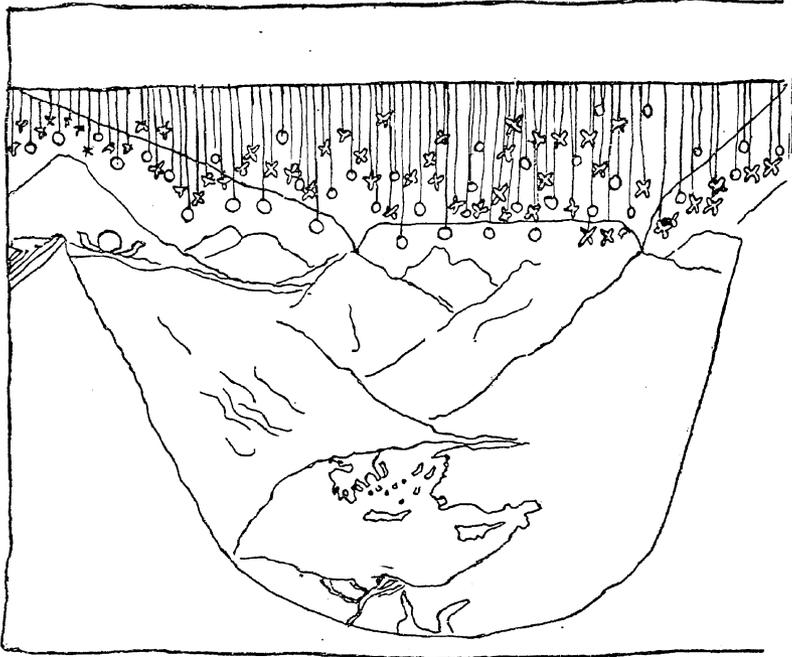

Рис. 13¹⁾.

священномъ „сказаніи“ (книга 2, глава 62). Въ чемъ бы „сказаніе“ ни заключалось, религія распускающагося лотоса была вмѣстѣ съ тѣмъ религіей „распускающагося миндальнаго цвѣтка“²⁾: и „благословенъ Богъ, сотворившій

¹⁾ Рисунокъ изображаетъ собою небо, какъ его представляли египтяне. Въ самомъ низу рисунка помѣщена дельта Нила, т. е. Египетъ, Синайскій полуостровъ и, дальше, Сирія. Выше—Средиземное море, омывающее Малую Азію, Грецію и острова Кипръ и Критъ. Это—вѣдомый египтянамъ міръ. Надъ этою „древнѣйшей географіей и исторіей“ поднимается тоже древнѣйшее Небо,—именно какъ „твердь“, именно какъ „сводъ“. Вотъ по этой тверди течетъ Небесный Нилъ, и по нему совершаетъ въ священной баркѣ дневной свой путь разумное и міроправящее Солнце—„Ра“. Но „тамъ гдѣ-то“ эта солнечная твердь имѣетъ надъ собою другой Сводъ, звѣздный; и вотъ что мы видимъ тамъ:—среди звѣзд помѣщены кружечки, которые мы только и можемъ принять за лампы. Самая идея лампы въ богослуженіи и въ храмѣ возникла, по крайней мѣрѣ отчасти, изъ желанія повторить въ святомъ мѣстѣ на землѣ то, что наиболѣе прекрасно въ мірозданіи (звѣзды). А съ другой стороны внесеніе лампы (кружечки) въ небо говоритъ безъ словъ о томъ, что когда мы молимся—всегда почему-то „поднимаемъ глаза кверху“, точно тамъ есть какой-то „незримый храмъ“, вспомоществующій намъ въ земныхъ дѣлахъ. Вспомнимъ еврейское—„Благословенъ Богъ, сотворившій Свѣтъ“.

²⁾ У Діодора Сицилійскаго—III, 58—59, у Павзанія—VII, 17, у Страбона—X, 3,—при передачѣ характерныхъ восточныхъ легендъ, оговорено, что „плодъ миндальнаго дерева и гранатоваго яблока суть символы плодородія и его органовъ, мужского и женскаго“.

свѣтъ“ — звучитъ въ Вильнѣ, какъ могло звучать и въ Саисѣ. Но вотъ Товія, съ родиной въ Ниневіи: его научаеъ, въ пути, ангелъ „истинѣ“ брака, и собственно мы опять читаемъ объ этихъ же лампадахъ: „И возьми часть печени рыбы, и положи ее на огонь курильницы, и покури. И демонъ ошутитъ запахъ и удалится. Когда же тебѣ надо будетъ приблизиться (къ невѣстѣ) — встаньте оба, воззовите къ милосердному Богу, и онъ спасетъ и помилуетъ васъ“ (книга Товита, гл. VI, ст. 17—18). Это — молитва и почти начало ритуала; его заключеніе мы снова находимъ въ странной записи Геродота (книга первая, глава 198): „...Погребальныя пѣсни вавилонянъ похожи на египетскія. Всякій разъ послѣ сообщенія съ женщиною вавилонянинъ воскуряетъ еиміамъ; въ другомъ мѣстѣ дома своего тоже самое дѣлаеъ и женщина, съ которою онъ сообщился“. Понятіе и чувство, діаметрально противоположное „низинамъ“ нашихъ ощущений¹⁾. Но на что мы здѣсь хотимъ обратить вниманіе читателя, это — что обрывокъ страницы изъ Геродота и обрывокъ страницы изъ Библии сливаются оторванными краями въ одинъ цѣльный листъ: одинъ — ритуаль, одинъ — духъ, одна — „высота“ ощущения около одного и того же мига. Сейчасъ мы поймемъ идею устройства Вавилонскаго храма: свѣтлое, „окрыленное“, уже въ частной жизни у Товія и вавилонянъ окружившееся „курениями“ и „еиміамомъ“ ощущение, поднимаясь еще „выше“, „выше“, наконецъ и создало... Но пусть говоритъ Геродотъ: „Это — четырехугольникъ, и уцѣлѣлъ онъ до моего времени. Посрединѣ храма стоитъ массивная башня, имѣющая по одной стадіи въ длину и въ ширину, надъ этой башней поставлена другая, надъ второй — третья, и такъ дальше — до восьмой. Подъемъ на нихъ сдѣланъ снаружи; онъ идетъ кольцомъ вокругъ всѣхъ башенъ. Поднявшись до середины подъема — находишь мѣсто для отдыха со скамейками. На самой послѣдней башнѣ есть большой храмъ, а въ храмѣ

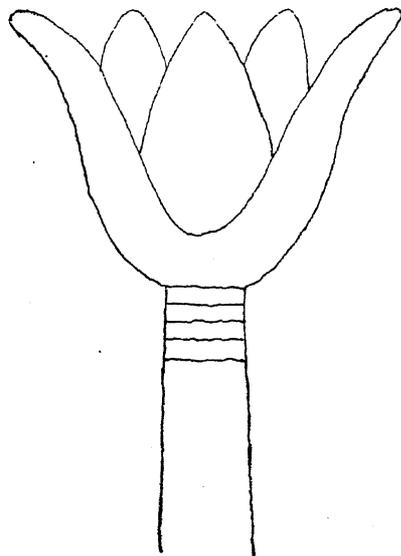

Рис. 14. Лотособразный капитель египетской колонны.

¹⁾ См. „Разбойники“ Шиллера и тамъ характерное не для однихъ „разбойниковъ“ разсужденіе Франца Моора: „Что такое отецъ? что такое — я? Для него это былъ скотскій моментъ, послѣ пьянства“... Не буквально, но мысль — именно эта, и, слышавъ пьесу, слушая именно эти слова, я былъ чрезвычайно пораженъ, какъ-то дико пораженъ, еще юношею-гимназистомъ: и, признаюсь, — тогда же ужаснулся и отвергъ такое представленіе. Замѣчательно, что Францъ Мооръ и запираеъ отца въ башню голода, т. е. великое сыновнее неуваженіе къ родителямъ не отдѣлимо отъ „низинъ“ представленія пола, какъ израильское „чти отца и матеръ“ — есть только приложеніе и дальнѣйшее развитіе „курений“, „еиміама“ и „лампадъ“ около половыхъ выявленій.

стоитъ большое, прекрасно убранное ложе и передъ нимъ золотой столъ. Никакого кумира въ храмѣ однако нѣтъ. Провести ночь въ храмѣ никому не дозволяется, за исключеніемъ одной только туземки... Такъ рассказывали мнѣ халдеи, и они же прибавляли, чему я не вѣрю, что боже-ство само посѣщаетъ храмъ и почиваетъ на ложѣ“ (книга I, главы 181—182). Мы ничего здѣсь не поймемъ, пока не обратимся къ Товіи, не припомнимъ въ „Пирѣ“ Платона безсильныя и торопливыя, взволнованныя слова объ „Афродитѣ Небесной“, т. е. о сопричастіи чему-то небесному въ нити

По вѣчнымъ, великимъ
Желѣзнымъ законамъ
Кругъ нашей жизни
Всѣ мы свершаемъ...

и, наконецъ, не примемъ во всемъ его объемѣ сдѣланное нами здѣсь раздѣленіе порядка логическаго выраженія и порядка жизненной ткани: т. е. миги эти — въ сущности тѣ-же „*idées innées*“, какъ „врожденная идея Бога“ у Декарта, но — въ переложении на семито-хамитическую гамму — не „идея *innée*“, но... „ткань бытія *innée*“, лежащая въ основѣ самихъ идей. Вотъ „храмъ Бела“, „древняго“ Бела. Этотъ храмъ — тоже, что твореніе Декарта „*De substantia*“, ни — большее, ни — меньшее, ни — менѣе истинное, ни — болѣе оскорбительное... — *То-же* самое, безъ всякаго разграниченія. Мы „умственно“ развились до великихъ теологическихъ системъ, до „видѣнія всего въ Богѣ“ (у Беркли, у Малекбранша); Востокъ развился „сѣменно“ до *ощущенія* святости, и, наконецъ — до ощущенія прямо небесности, теистичности въ актѣ созиданія самого „лика человѣческаго“, который вѣдь позднѣе, черезъ тысячелѣтія, и заговорилъ — дѣйствительно заговорилъ — „теологіями“. Намъ хочется ввести эти явленія въ грубую, обыденную дѣйствительность, — въ свѣтъ фактовъ, непосредственно нами ощущаемыхъ, черезъ призму которыхъ станетъ яснѣе тотъ древній свѣтъ. Итакъ, вотъ Левинъ — „не чистый“ — какъ онъ волнуется, испуганъ и несетъ непорочной своей невѣстѣ тетрадку исповѣданій; т. е. онъ тянется къ какой-то „чистотѣ“ въ ритмѣ жизни. Но что онъ дѣлалъ раньше? въ чемъ теперь исповѣдуется? отъ чего съ ужасомъ бѣжитъ „въ бракъ“ какъ въ „тайнство“? Домъ терпимости — вотъ обратный полюсъ, вотъ противоположная точка храму. Левинъ до брака въ этотъ домъ терпимости относилъ свой половой ритмъ, какъ въ Вавилонѣ этотъ половой ритмъ относился въ храмъ. Два полюса, — Востокъ и Западъ, въ ихъ соотвѣтственномъ расположеніи. Что-же дѣлаетъ Левинъ, каясь, смятенный, робкій? — Онъ вступаетъ на первую-третью-пятую ступень „ветхаго деньми“ Вавилонскаго храма!!! Полъ можетъ быть выявляемъ „не иначе, какъ только въ бракѣ“, т. е. сравнительно съ домомъ терпимости — на „высотѣ“ же, именно — на сиро-финикійской высотѣ. Онъ можетъ быть выявляемъ только съ невинной любимой и любящей, глубоко-нрав-

ственно-связанной дѣвушкой: т. е. полъ ищетъ чистаго, не загрязненнаго себѣ помѣщенія; (см. евреи, особенно — священники); наконецъ, полъ жаждетъ и дѣйствительно образуетъ семью: это уже что-то „святое“ по помѣщенію сравнительно съ толпою грязныхъ женщинъ въ домѣ терпимости. Мы видимъ неоспоримо, что „семья“ и „бракъ“ именно и образуютъ собою „уступы“, „скамеечки для отдыха“, но — по тому же точь въ точь самому плану и мысли, какъ былъ устроенъ Вавилонскій храмъ. Небесный бракъ, т. е. чувство небснаго въ ощущеніи брачнаго ритма, непорочность его и, наконецъ, святость — вотъ куда всплескивается и сейчасъ у всѣхъ, по крайней мѣрѣ у всѣхъ не развращенныхъ, половое влеченіе. Какъ оно серьезно и сейчасъ еще для дѣвушекъ, т. е. для блюдушей еще свою чистоту половины человѣческаго рода! Половое выявленіе внѣ семьи, безъ любви и безъ уваженія — это пугаетъ и потрясаетъ дѣвушку. Т. е. въ мѣру невинности — человѣкъ и теперь стоитъ на высшей сравнительно ступени этого древнѣйшаго плана храма. И, слѣдовательно, планъ этотъ абсолютно непостижимъ только для одного развращеннаго и погибшаго въ развратѣ своемъ человѣка.

Вотъ „дыханіе Востока“, повторяющееся въ біографіи каждаго изъ насъ; войдемъ въ домъ, „семейный“, — и въ его отдѣленіяхъ мы откроемъ кой-что финикійское. Всѣ пріемныя комнаты, парадная часть квартиры, куда мы входимъ внимательно одѣтые и гдѣ ведемъ рѣчи внимательно обдуманная: здѣсь есть люстры, канделябры, но мы не чувствуемъ здѣсь необходимости иконы, образа. Это — жилище „какъ помѣщеніе“, но — еще не жилище „какъ семья“. Но мы, войдя, начинаемъ искать именно семьи, ея теплоты, — ея прекрасной и истинно мистической животной теплоты. Только если мы интимны съ хозяевами дома, т. е. если къ намъ они питаютъ совершенное уваженіе и особенно довѣріе къ нашей нравственной чистотѣ, къ незагрязненности воображенія и сердца, — тогда они перепускаютъ насъ въ глубь жилища, гдѣ комнаты меньше, темнѣе, все неубраннѣе; и — лишь истиннаго, непоколебимаго друга вводятъ въ предъ-спальню, въ хаосъ копающихся дѣтей, одѣтой „по-домашнему“ жены. Мы теперь въ „душѣ“ дома, и вотъ уже здѣсь есть образъ и лампада. Совершенно — „по египетски“, если мы вдумаемся, гдѣ храмы все тоже „понижались“, уменьшаясь, и въ послѣдней маленькой и невзрачной комнаткѣ лежало „животное“, т. е. просто одно изъ выраженій „жизни“. Въ спальнѣ, куда и другъ не переступаетъ, — непремѣнно есть „благословенный образъ“, т. е. коимъ мужа и жену „благословили“ отецъ и мать въ бракъ. Передъ нимъ въ такихъ случаяхъ — неугасающая лампада; т. е. опять — это храмъ, начало храма, его первообразъ; и онъ инстинктивно загорѣлся, засвѣтился именно какъ окруженіе здѣсь совершающейся жизни. Всякій домъ и семья, въ отдѣленіяхъ своихъ и въ расположеніи своемъ, это и до

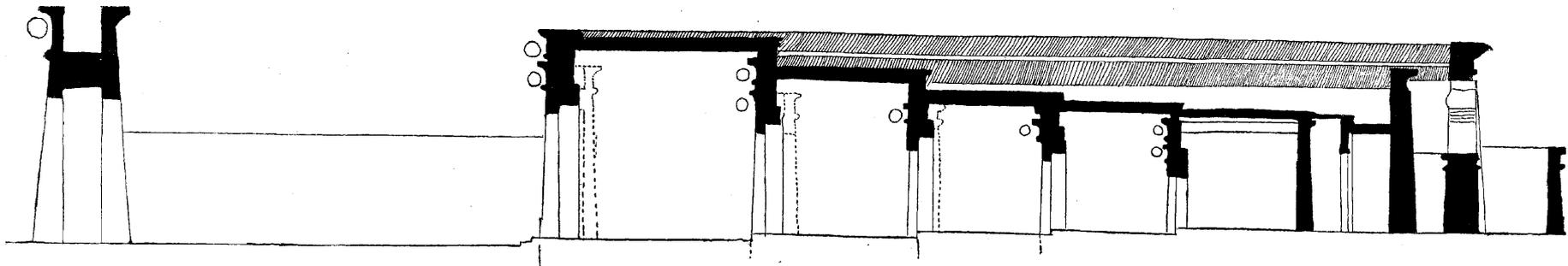

Рис. 16. План египетскаго храма сбоку. Потолокъ все опускается, полъ все подымается.

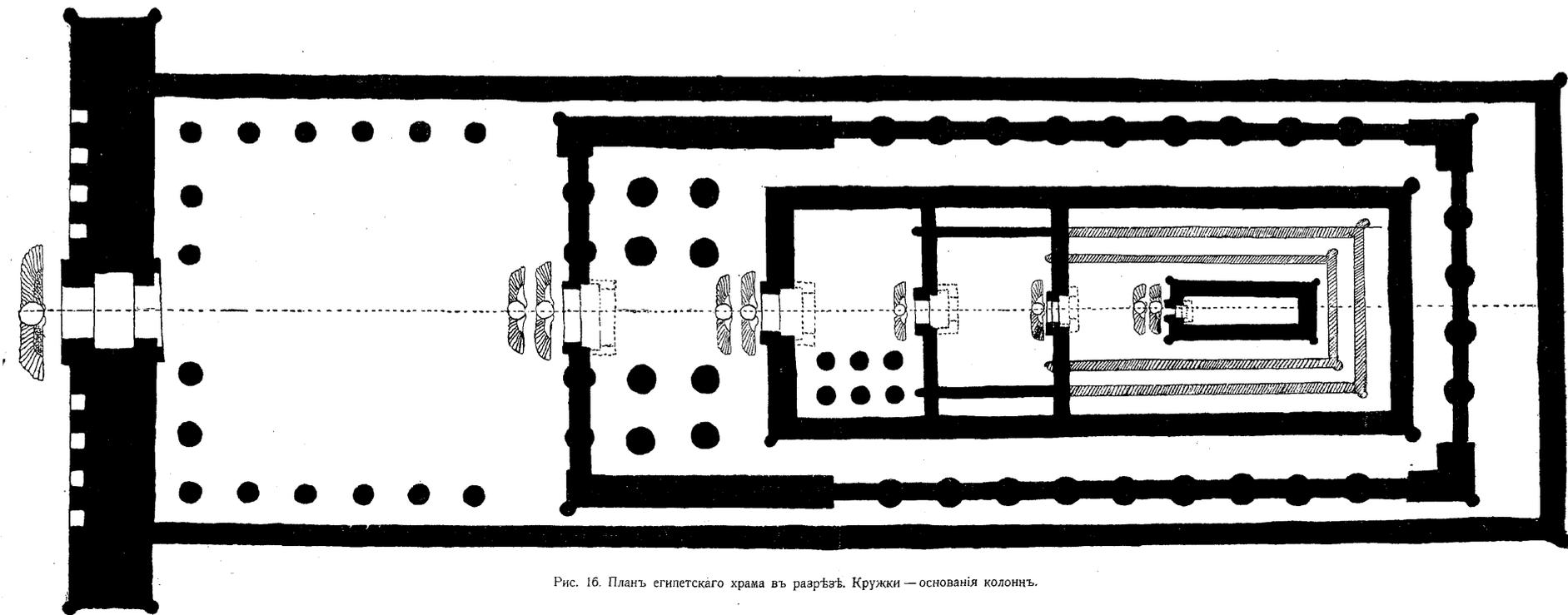

Рис. 16. План египетскаго храма въ разрёзѣ. Кружки — основанія колоннъ.

сихъ поръ есть вавилонскій ли или египетскій храмъ, въ миниатюрѣ его, но въ полной мысли его!! Такимъ образомъ, вотъ расположеніе исторіи, повторяющееся въ расположеніи квартиры. Семито-хамитическая Азія и была „внутреннею“ частью, „задней половиною“ всемірно-историческаго поприща, — интимною, глубокою. Тамъ жило великое „чрево“, которое истинно свято постигло задачу „плодоношенія“. Оно подняло его „на высоту“, окружило его „лампадами“; впервые въ исторіи создало образъ еиміамнаго куренія и открыло мелодію молитвы. „Материнство“, „отчество“ — всему этому научило ихъ; какъ оно же научаетъ этому cadaго изъ насъ, научило Пушкина, Рафаэля. „Благословенъ Богъ сотворившій свѣтъ“ — въ Сіонѣ, Тирѣ, въ Мемфисѣ, Вавилонѣ, въ Москвѣ. Мы понимаемъ „распускающіеся

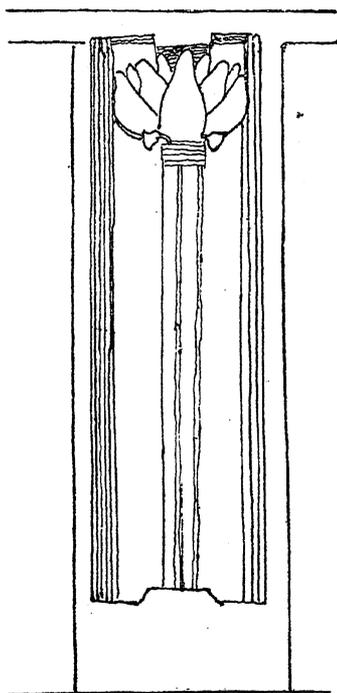

Рис. 17. Колонна египетскаго храма.

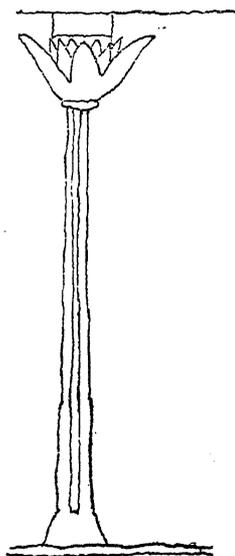

Рис. 18. Тоже.

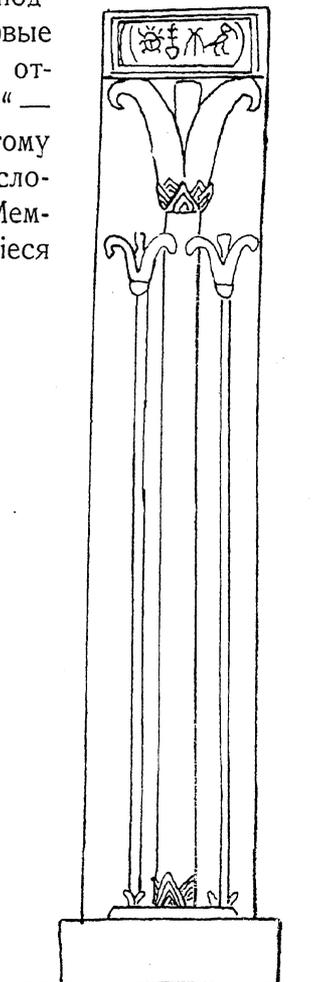

Рис. 19. „Миндалинка распускающаяся“ египетскаго храма (колонна).

миндальные цвѣтки“ въ Скинїи Завѣта; распускающійся лотось — въ Саисѣ, Геліополисѣ. Мы, которые — забывъ это теперь уже закрытое, застарѣвшее, не несущее болѣе „чрево“ — почти вовсе вынесли изъ него именно мелодію молитвы, „воздѣваніе рукъ“ къ небу; и все это преобразовали „въ логическій способъ выраженія“, въ „имя“, „слова“, „λόγος“. Но остановимся же еще разъ на древностяхъ.

Какъ только мы примемъ указанную точку зрѣнія на нихъ — рѣшительно мельчайшія подробности „святаго чрева“ Азіи высвѣтятся для нашего постиженія, сблизятся отдаленнѣйшія точки, сольются въ нерасчленяемую картину раздѣленные тысячелѣтіями обычаи!! И поражающіе дикостью „нравы“, „узаконенія“ получаютъ простой и ясный смыслъ, — совершенно обратный тому, какой придавался имъ. Вотъ нѣсколько иллюстрацій. Евреи и по-сейчасъ не остаются хотя бы въ рѣдкихъ единицахъ холосты, и среди этого племени неугасающаго плотскаго свѣта мы вовсе не находимъ ни „старыхъ дѣвъ“, ни „обманутыхъ“ и „покинутыхъ“ „любовницъ“. Законъ „ужества“ или „левирата“ — столь непостижимый въ укладѣ нашего обычая законъ — по коему юная вдова становится принудительно женою ближайшаго покойному мужу своему родственника, обезпечиваетъ израильтянкѣ материнство, пока она къ нему способна. Еврей и семья, еврейка и дѣти — понятія нераздѣлимые; но какъ уже раздѣленные — у насъ!! У насъ не разъединимы понятія „гражданинъ“ и „просвѣщенный“: и не обезпечивая каждой дѣвушкѣ замужество, мы ей обезпечиваемъ — грамотность. Мы требуемъ — какъ естественнаго, какъ нормальнаго и слѣдовательно возможнаго, даже съ принужденіемъ — „всеобщаго обученія грамотности“. Переложимъ это требованіе изъ порядка логическаго выраженія въ порядокъ жизненной ткани — и мы получимъ „левиратъ“, постигнемъ плачъ лѣтописца о дочери Іеффая — „она не познала мужа“, и напр. поймемъ эту страницу изъ Геродота: „Между странными обычаями Вавилона болѣе всего мнѣ нравится слѣдующій. Въ каждой деревнѣ разъ въ годъ созываютъ всѣхъ дѣвушекъ, достигшихъ половой зрѣлости, и выводятъ толпою въ одно мѣсто; кругомъ ихъ располагается толпа мужчинъ. Глашатай вызываетъ каждую по одиночкѣ и продаетъ одну за другою — прежде всѣхъ самую красивую; когда первая бываетъ продана за большую сумму, глашатай вызываетъ другую, слѣдующую по красотѣ за первую; дѣвушки продавались подъ условіемъ супружеской жизни съ ними“ — т. е. мы догадываемся, что онѣ „выдавались въ замужество“; и, безъ сомнѣнія, странному обычаю уже предшествовали переговоры, соглашенія, любовь, которая въ этотъ мигъ получала только реальное осуществленіе. Геродотъ продолжаетъ: „Всѣ богатые вавилоняне, достигшіе половой зрѣлости, одни передъ другими покупали себѣ красивѣйшихъ дѣвушекъ, а такого же возраста люди простые вовсе не искали красивой наружности, — и съ деньгами готовы были брать и очень некрасивыхъ. Покончивши съ продажею красивѣйшихъ дѣвушекъ, глашатай вызываетъ потомъ самую безобразную или калѣку и спрашиваетъ: „Кто желаетъ жениться на ней съ наименьшимъ вознагражденіемъ?“ Дѣвушка вручалась тому, кто соглашался жениться на ней съ наименьшею додачей денегъ; употребившіяся на это деньги собирались за красивыхъ дѣвушекъ, т. е. красивыя выдавали замужъ безобразныхъ и калѣкъ“ (книга I, глава 196). — Это — „всеобщая принудительная грамотность“, но — переведенная на законъ „святаго чрева“. „Иска-

лѣченность“, „безобразіе“, — что для насъ какъ бы снимаетъ съ дѣвушки образъ человѣческой, — для вавилонянъ не значило ничего особеннаго; — и всеобщей заботой они давали ее въ „жену“, т. е. возводили на высоту материнства. Красивѣйшія, счастливыя, съ чисто сестринскимъ чувствомъ отдавали свои средства, дабы и некрасивыя не остались „безъ доли“. Вотъ — животная теплота; „любовь“ тѣхъ внутреннихъ частей покоя, гдѣ — дѣти, неубранность, лампада и пологъ. Во всякомъ случаѣ, это есть та же забота, какъ и „левиратъ“ у евреевъ: вѣдь и деверь можетъ быть некрасивъ, невѣстка — безобразна или уже стара; но она должна взойти „въ мать“ — въ Сіонѣ, Вавилонѣ, сейчасъ — въ Вильнѣ. Одинъ законъ, одно явленіе; въ сущности, одно „умоначертаніе“. — „Слѣдующій по степени мудрости обычай у нихъ таковъ: больныхъ выносятъ они на площадь, потому что врачей не имѣютъ. Къ больному подходятъ и говорятъ съ нимъ о болѣзни; подошедшій самъ, быть можетъ, страдалъ когда-либо такою же болѣзнію, какъ больной, или въ такой болѣзни видѣлъ другого. Люди эти, подошедши, бесѣдуютъ съ больнымъ и совѣтуютъ ему тѣ самыя средства, которыми излѣчились сами отъ подобной болѣзни, или видѣли, что излечились этими средствами другіе больные. У нихъ не дозволялось пройти мимо больного молча, не спросивши о болѣзни“ (Геродотъ, книга I, глава 197). Это — братство; — теплота коровьяго хлѣва, гдѣ никому не холодно; — истинная любовь, потому что она реальна, потому что она плотска. — „О, если бы можно было представить городъ, всѣ граждане коего связаны были бы плотскимъ чувствомъ: такой городъ былъ бы непобѣдимъ, ибо въ немъ каждый былъ бы готовъ умереть за cadaго“ — воскликнулъ въ какомъ-то предвидѣніи и волненіи Платонъ въ „Пирѣ“. Но вотъ такой „городъ“ есть: это — Израиль; и, въ самомъ дѣлѣ, онъ — „непобѣдимъ“, ибо „нельзя“ въ немъ „пройти мимо больного и не спросить о болѣзни“, нельзя израильтянкѣ выйти за „чужого“, — но за то каждой израильтянкѣ обезпеченъ „свой“. Т. е. ясно, что это есть плотскій союзъ, и, собственно, законъ „ужества“ — онъ тайно дѣйствуетъ на протяженіи всего Израиля; въ разрѣженной, прозрачной, едва уловимой, но однако реальной формѣ — онъ вѣдетъ надъ всею массою 12 колѣнъ. Но сейчасъ намъ станетъ понятенъ и законъ „дубравъ“.

Кто была Ревекка, жена Исаака? — Халдеянка. „И поиди въ землю мою, на родину мою, и возьми оттуда дѣвицу въ жену сыну моему“, говоритъ халдеянинъ же Авраамъ, колонистъ изъ города Уръ (географическая точка въ Месопотаміи, теперь опредѣленная) вѣрному рабу своему. — „Пей, господинъ мой; я начерпаю воды и для верблюдовъ твоихъ, пока не напьются всѣ“ (Бытіе, 24), говоритъ Ревекка недоумѣвающему и осматривающемуся рабу. Она подлежала закону дубравъ, о которомъ читаемъ у Геродота: „У вавилонянъ есть, однако, слѣдующій отвратительный обычай: каждая туземная женщина (т. е. не дѣвушка) обязана разъ въ жизни имѣть сообщеніе съ иноземцемъ въ

храмъ Милитты. Многія женщины, гордя своимъ богатствомъ, не желая замѣшиваться въ толпу другихъ, отправляются въ храмъ и тамъ останавливаются въ закрытыхъ колесницахъ; за ними слѣдуетъ многолюдная свита. Большинство женщинъ поступаютъ слѣдующимъ образомъ: въ святилищѣ садятся онѣ съ веревочными вѣнками на головахъ: однѣ приходятъ, другія уходятъ. Во всевозможныхъ направленіяхъ здѣсь идутъ дорожки, и иноземцы, выходя, выбираютъ себѣ нравящуюся. Сѣвшая здѣсь женщина не въ правѣ вернуться домой ранѣе, какъ иноземецъ броситъ ей монету на колѣни и пригласитъ ее слѣдовать за собою: „зову тебя во имя богини Милитты“. Какъ бы мала ни была монета¹⁾ — женщина не въ правѣ ея отвергнуть, и, не пренебрегая никѣмъ, она слѣдуетъ за первымъ, кто бы онъ ни былъ... Послѣ сообщенія женщина возвращается домой — „и, съ того времени“ — записываетъ наблюдательный историкъ, вѣрно много разспрашивавшій у туземцевъ, — „нельзя имѣть ее ни за какія деньги“. Вотъ обычай, который былъ выполненъ матерями и Авраама и Ревекки. „И отпустили Ревекку (отецъ, мать, братъ ея Лаванъ), сестру свою, и кормилицу ея, и раба Авраамова и людей его; и благословили ее, и сказали: — Сестра наша! — да родятся отъ тебя тысячи тысячъ и владѣтъ потомство твое жилищами враговъ твоихъ“. (Бытіе, 24). Вотъ психологія, вотъ бытъ; „тысяча

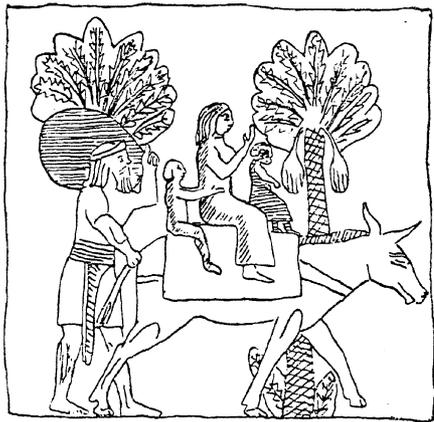

Рис. 20. Изъ быта халдеевъ.

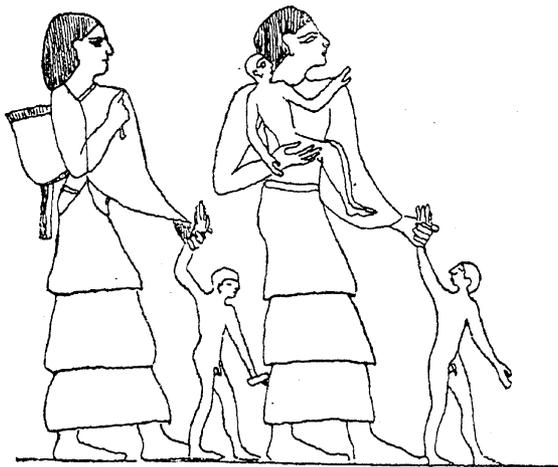

Рис. 21. Изъ быта халдеевъ.

¹⁾ Евреи не рассказываютъ, а историки и богословы не догадались обдумать, что „самая древняя и священная форма заключенія у нихъ брака“ до сихъ поръ есть слѣдующая: женихъ подаетъ дѣвушкѣ монету и произноситъ: „беру тебя этою монетою въ жены себѣ по закону отца нашего Моисея“. Если дѣвушка приняла монету — бракъ заключенъ, они — мужъ и жена. Никакихъ другихъ формальностей и обрядовъ при этомъ не требуется. Не только по формѣ („монета“), но и по существу столь большой легкости и только „согласія двухъ“ — неоспоримо, что религіознѣйшее зерно (эта формула — самая сакраментальная, священная, — какъ-бы мы сказали: „отъ Ярослава Мудраго и по Русской Правдѣ“), что самая священная форма заключенія брака у евреевъ идетъ прямо отъ вавилонской священной проституціи. Впрочемъ, гадкое слово „проституція“ принадлежитъ ученымъ и никогда ни вавилонянами, ни евреями не примѣнялось „къ своимъ дѣламъ“. Другой свѣтъ, учеными не разобранный. „Нужно согласіе да любовь, и чистое тѣло и обильные роды“. Но это — не проституція.

тысячъ“ въ далекомъ потомствѣ—это и есть „чадородіе“, возведенное въ культъ, на „высоту“ постиженія, и вызвавшее странный обычай, такъ ужаснувшій Геродота. „Напейся ты, а потомъ верблюды“, говоритъ она чужеродцу, какого увидѣла въ пришедшемъ изъ Ханаана Авраамовомъ рабѣ, — и сказала это она послѣ перваго его слова. Покорность и ласка. „И побѣждалъ Лаванъ, и сказалъ тому человѣку: „Войди, благословенный Господомъ; зачѣмъ ты стоишь внѣ? я приготовилъ домъ и мѣсто для верблюдовъ“. Еще Израиль только зачинается, но психика — типично израильская. „Благословенъ Богъ — сотворившій свѣтъ“, это будутъ говорить въ Сіонѣ, но сейчасъ это говорятъ въ Урѣ халдейскомъ. Но есть ли здѣсь принужденность въ бракѣ, тѣнь которой не исчезла по сейчасъ въ Россіи, Франціи? „Когда рабъ Авраамовъ кончилъ рѣчь свою, они (родители и братъ) сказали: позовемъ дѣвицу и спросимъ ее, что она скажетъ. И призвали Ревекку, и сказали ей — „Пойдешь ли съ этимъ человекомъ?“ Она сказала: — „Пойду“ (тамъ-же). Мы упомянули о ласкѣ и теплѣ, о всемъ этомъ — въ приложеніи къ чужеродцу. Но что же такое „дубравы“ и имя „Милитты“ ли, „Мадонны ли“ — общѣ

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ?...

— Универсальное материнство, космическая животная теплота, самая безспорная, непоколебимая. Какъ весело бѣжить Лаванъ къ чужеродцу, не нашедшему постоялаго двора: „домъ тебѣ готовъ, — и для верблюдовъ“. Но распространимъ же эту ласку дальше, глубже; возведемъ это веселье бѣгущихъ ногъ — до неба, до „высоты“ храма Бела; и возьмемъ безмолвіе, неумѣлость выражаться логически — такъ до конца и не создавшее ариѳметики, когда уже созданъ былъ Экклезіастъ: вотъ въ этомъ всемъ и лежитъ родникъ „дубравъ“. У племень „обрѣзанія“, гдѣ все пошло въ культуру пола, которая истончилась и углубилась до непостижимыхъ для насъ отгѣнковъ въ пониманіи цѣломудрія, чистоты, святости, у этихъ племень и идея всемірной общности людей, ихъ братской и сестринской ¹⁾ связанности — „нѣсть іудей, ни эллинъ“ — вылилась въ единственномъ способѣ говора, какимъ они владѣли, — въ говорѣ „дубравы“. „Дубрава“ — исключительно для иноземцевъ, за „самую мелкую монету“, съ калѣкой или уродомъ, „именемъ Милитты“... Ну, что имя —

оно прошло, оно пройдетъ.

Рафаэль его вспомнилъ подъ однимъ именемъ, Лермонтовъ — подъ другимъ. Эти „дубравы“, какъ и записалъ точно Геродотъ, не носятъ вовсе никакого чувственного характера: ихъ чувственно принимали иноземцы, но субъективно, но внутренне — это самоотверженіе самое глубокое, „милостыня“ —

¹⁾ Замѣчательно, что „родное“ и „чистое“ имя „сестра“ есть общее для жены, дочери (книга Товита и всякой вообще женщины у іудеевъ, въ Ханаанѣ и Халдеѣ.

самая поразительная, слянность съ „варваромъ“, „іудеемъ“, „эллиномъ“, какой не выработали Аѳины, Римъ, Парижъ. „Потомъ нельзя пріобрѣсти такую женщину ни за какія деньги“ — записываетъ Геродотъ; онъ же прибавляетъ: „выдающіяся красотой и сложеніемъ женщины уходятъ изъ храма скоро; всѣ некрасивыя остаются тамъ долго, потому что долго имъ не удается исполнить свою обязанность“. Вотъ полнота факта. Если мы вспомнимъ, что эдиктъ Каракаллы, даровавшій „право римскаго гражданства“ всѣмъ „провинціаламъ“, есть юридическое завершеніе тысячелѣтняго развитія Рима, мы догадаемся, что „умоначертаніе“ дубравъ и есть „ветхое деньми“ расторженіе національныхъ, городскихъ, территоріальныхъ узъ. Но — какъ это показалось Геродоту — это не есть „хладное“ впусканіе къ себѣ чужеродцевъ: чужестранецъ, калѣка, старикъ — лишь символъ далекихъ, не видѣнныхъ земель; „благословенъ Богъ, сотворившій свѣтъ“ — въ Иберіи, Галліи, гдѣ тоже какіе-то есть люди:

что въ имени тебѣ моему?...

— они не забыты вавилонянкою, — и она не только „поить верблюдовъ“, „снимаетъ сапогъ и оmyваетъ ноги“, но — „знатная и богатая“, „гордая“ (см. запись Геродота), имѣя вокругъ „свиту“ и „укутавшись въ колесницѣ“ — совершаетъ самоотверженіе, на которое для Инсарова — лишь выздоравливающаго, ушедшаго отъ смерти — въ радости и счастья о бытіи, о жизни *его* именно, рѣшается Елена („Наканунѣ“). Тутъ все поразительно, всякія частности: „иныя некрасивыя должны ждать по три и по четыре года“, записываетъ Геродотъ. Какъ женщина, она не могла не чувствовать укола въ самую больную точку (самолюбіе, и самолюбіе красотью) при каждомъ, прошедшемъ мимо и не остановившемся чужеродцѣ: — „зеркало“, показывающее ее „дурнушкою“ цѣлыхъ три года... Всякая, даже терпѣливая, разбила бы такое „зеркало“, — но вавилонянка безмолвна и ждетъ. Тутъ есть такая глубина безропотности, смиренія, самоотверженія, до какихъ не можетъ поднять насъ ни наука, ни философія. И такъ, къ исходу третьяго года — уже приблизительно тысяча прошла мимо, и, по обще-человѣческой психологіи, мы не можемъ не догадываться, что, уже начиная приблизительно съ двухъ-сотаго, халдеянка чувствуетъ въ этихъ грубыхъ и невинно ее обижающихъ людяхъ нѣсколько „враговъ“ себѣ. Но вотъ 1001-й, небрежно уронивъ ей въ колѣна монету, уродъ или старикъ, вовсе не понимающій (какъ и Геродотъ) смысла того, что здѣсь совершается, зоветъ ее „именемъ Милитты“. — „Какъ бы ни мала была плата, она не можетъ отказаться“: это бросилъ сирота на пирѣ мірскомъ, „матросъ“, „четвертое сословіе“. На секунду мы оглядываемся на устроеніе храма Белы, и видимъ, что вавилонянка точно понимаетъ въ брачномъ ритмѣ небесное таинство; и она какъ „мирру“ проливаетъ это таинство на „меньшого брата“ и „немножечко врага“, который въ теченіе трехъ лѣтъ показывалъ ей „некрасивое зеркальце“. — „О, какъ я ихъ всѣхъ ненавижу“, не можетъ не говорить каждая дѣ-

вушка, мысленно припоминая вечеръ, на которомъ сотни мужчинъ прошли мимо ея, не замѣтивъ ее. Природа человѣческая — вѣчна; и какъ мы удивлены, что одна только вавилонянка не умѣетъ ненавидѣть: она оказываетъ 1001-му оскорбителю такой актъ милости, склоняется около него такую „самарянкою“, жертвуетъ такую цѣнностью, лучшею жемчужиною бытія своего, что — растерянные — мы можемъ только безмолвствовать. Это — Ревекка, т. е. страна Ревеккъ; и знакомая Аврааму, она и вызвала у него мольбу слугѣ: „вотъ, я старъ: — положи руку подъ стегно мнѣ (между бедрами — замѣчательно мѣсто утвержденія клятвы) и клянись мнѣ Господомъ, что ты не возьмешь сыну моему жену изъ дочерей хананеевъ, среди которыхъ я живу; но пойдешь въ землю мою, на родину мою, — и тамъ возьмешь жену сыну моему Исааку“ (какую-нибудь, имя, лицо, условія — не указаны: страна „добрыхъ дочерей“, „высокаго подбора женъ“). Библия и Геродотъ опять сливаются, но „отвратительное“ для Геродота, для насъ высвѣчивается необычайнымъ, прямо небеснымъ свѣтомъ. Соня Мармеладова, но въ невинности и бодрой улыбкѣ, крѣпкой походкѣ ея сестры Полечки.

„— Вы любите, Полечка, вашу сестру Соню?

„— О, да, я ее больше всѣхъ люблю; она такая добрая...

„— А вы молитесь Богу?

„— О, какъ же: сперва „Богородицу“, а потомъ еще одну молитву: „Боже, прости и благослови сестрицу Соню“, а потомъ еще: „Боже, прости и благослови нашего другого папашу (N. В. — Мармеладова, см. сейчасъ ниже), потому что нашъ старшій папаша уже умеръ, а этотъ вѣдь намъ другой, а мы и объ немъ тоже молимся“.

„Раскольниковъ вдугъ наклонился.

— „Полечка, меня зовутъ Родіонъ; помолитесь когда-нибудь и обо мнѣ: „и раба Родіона“ — больше ничего.

— „Всю мою будущую жизнь буду о васъ молиться“, горячо проговорила она и охватила его шею“ („Преступленіе и наказаніе“ — изд. 84 г., стр. 173).

Вотъ — Халдея. Сейчасъ объяснится и послѣдняя ея тайна, т. е. по крайней мѣрѣ тайна ея ближней двоюродности — Финикии. Но сперва — черта изъ психологіи и быта: Иліѣ Ѳесвитянину, „души котораго искали“ „иконодулы“ — финикияне, пришлось зайти въ сидонскій, т. е. финикіанскій же, городокъ Сарепту. Здѣсь, чувствуя голодь, онъ попросилъ ѣсть у встрѣтившейся женщины. „Живъ Господь Богъ твой“, — отвѣтила поклонница Ваала и Астарты, — „у меня ничего нѣтъ, а есть только горсть муки и ложка масла; вотъ наберу полѣна два дровъ и приготовлю это сыну своему и себѣ: — и съѣдимъ, и умремъ“ (быль голодь, засуха). Какая покорность! — но израильтянинъ гордь и властителень, и требуетъ сперва — себѣ: „Не бойся, поиди, сдѣлай, что ты сказала; но прежде изъ этого сдѣлай небольшой опрѣснокъ для меня и принеси мнѣ“. „И пошла она, и сдѣлала такъ, какъ сказалъ Илія“... Музыка

словъ и отношеній совершенно та же, какъ на „бракъ въ Канѣ Галилейской“. Но вотъ у нея умираетъ „сынъ“, — умираетъ тотъ, кто выросъ изъ нея, какъ „миндалинка“ въ „свѣтильникѣ“, какъ ягодка на „расцвѣтшемъ Аароновомъ жезлѣ“. И она приписываетъ, она убѣждена, что это — отъ недоброй воли и волшебной силы Или, сотворившаго тогда-же чудо неистощимой муки у нея въ кадкѣ. Мы сейчасъ должны припомнить ту сестру ея, халдеянку, которая три года терпѣливо и покорно ожидаетъ по закону Милитты, какой-бы морякъ-чужестранецъ „взялъ“ ее. Ибо слова ея единственнымъ во всемирной исторіи тономъ покорности и глубины совершенно соотвѣтствуютъ покорному духу и покорной судьбѣ халдеянокъ, какъ ихъ описалъ Геродотъ. Она, убитая горемъ сирота, говоритъ пророку израильскому: — „Что мнѣ и тебѣ, чловѣкъ Божій? Ты пришелъ ко мнѣ напомнить грѣхи мои и умертвить у меня сына“. Вотъ — тембръ души, вотъ музыка сердца, которая

пройдя вѣковъ завистливую даль,

переживетъ Паренонъ и Капитолій, доживетъ до насъ, и станетъ томить наше сердце, какъ недостижимый идеалъ. Но чей-же это голосъ? — Да женщины, углубившейся въ материнство, провалившейся въ ея бездонныя глубины, въ невѣроятную сложность и утонченіе материнства:

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ —

„Мадонны“-ли, „Астарты“-ли —

Что въ имени тебѣ моемъ?...

Но, можетъ быть, вдовица Сарептская была индивидуальнымъ исключеніемъ? Нѣтъ, это тонъ быта, тонъ массы. Вотъ еще слова: „И пришли соглядатаи (отъ Иисуса Навина) въ городокъ Лаисъ, и увидали народъ, который въ немъ, что онъ живетъ покойно, по обычаю Сидонянъ, тихъ и безпеченъ, — и что не было въ землѣ той, кто обижалъ бы въ чемъ или имѣлъ бы власть; отъ Сидонянъ они жили далеко, и ни съ кѣмъ не было у нихъ никакого дѣла“ (книга Судей, глава 18). Это, 2½ тысячи лѣтъ тому назадъ записанное, и по сейчасъ выражаетъ бытъ простолюдиновъ евреевъ, — ихъ разбросанность по міру, ихъ таинственную сосредоточенность каждаго въ своемъ мѣстѣ и въ своемъ часѣ, — съ чертами духа одинаковыми отъ Спинозы до русскаго шапочника. Соглядатаи думаютъ однако, что это — „язычники“, и вотъ входятъ въ одинъ домъ. „Знаете ли“, передаютъ они потомъ, вернувшись къ своимъ, „что въ домѣ этомъ мы нашли ефодъ, терафимъ (типичныя богослужебныя принадлежности у евреевъ), истуканъ и литой кумиръ. Итакъ, братья, подумайте — что намъ съ ними дѣлать?“ (тамъ же, стихъ 14). Всѣ рѣшили переманить домохозяина къ себѣ. „Они“ — придя уже съ 600 чловѣкъ вооруженныхъ — „вошли въ домъ, и взяли (себѣ!!!) исту-

канъ, ефодъ, терафимъ и литой кумиръ. Хозяинъ же дома сказалъ имъ: — „Что вы дѣлаете?“ — Они отвѣтили ему: — „Молчи, положи руку твою на уста твои и иди съ нами и будь у насъ отцомъ и священникомъ; лучше ли тебѣ быть священникомъ въ домѣ одного человѣка, нежели быть священникомъ въ колѣнѣ или въ племени Израильскомъ?“ (тамъ-же, стихъ 19). Только тупое воображеніе (и деревянная душа) историковъ, археологовъ и богослововъ помѣшала имъ разсмотрѣть въ этихъ словахъ, сплошь къ другимъ приставленныхъ въ начальной книгѣ исторіи Израиля, — цѣлую сокровищницу открытій для исторіи и для вѣры. Вѣдь кто приходитъ въ Лаисъ, финикійскій городокъ? Приходятъ можно сказать („живость воображенія“) „наши“ евреи, исторія и религія которыхъ есть „Азь“ нашей религіи, заучиваемой ортодоксально еще въ гимназіи („живость воображенія“). Приходятъ они сюда впервые („живость воображенія“), на дѣвственную для нихъ культурно и религіозно почву, — выведенные изъ Египта Моисеємъ, который („живость воображенія“) и для насъ доселѣ есть „пророкъ и человѣкъ Божій“. Теперь (синтезъ „живыхъ воображеній“): въ Финикіи очевидно — „финикійская религія“, отнюдь имъ не навязанная Авраамомъ, который имъ ничего не пропагандировалъ, а былъ „въ завѣтѣ съ Богомъ“ одинъ и со своимъ личнымъ потомствомъ, которое все цѣликомъ и безъ остатка, вмѣстѣ съ Іаковомъ, подъ старость его лѣтъ, переселилось въ Египетъ. Переселился Іаковъ и всѣ его 12 сыновъ съ дѣтьми и внуками. Повторяю, въ Финикіи пропаганды не было, да религіозная пропаганда даже доселѣ не въ духѣ Израиля и даже враждебна Израилю („таящійся“ характеръ религіи, — только „для себя“; начало и духъ полового затѣненія). Итакъ, была у финикіянъ ихняя финикійская религія, а у евреевъ была та „своя религія“, которая есть вмѣстѣ и наша религія, насколько Моисей и Іисусъ Навинъ суть „праведные и святые люди“ для учениковъ нашихъ гимназій и для родителей ихъ. Вдругъ, войдя въ первый-же домъ, — войдя именно дѣвственно и первоначально, — ихъ „соглядатаи“, въ своемъ родѣ „лазутчики во враждебной землѣ“, находятъ у „хозяина дома“, въ который они забрели случайно, такія принадлежности домашняго его богослуженія, — богослуженія семейнаго и родового, — которые „годятся и намъ“, т. е. „годятся“ этимъ евреямъ временъ Моисея и Іисуса Навина, и они настолько не видятъ разницы между собою и этимъ финикіяниномъ, что зовутъ его безъ экзамена и провѣрки вѣроисповѣданія быть священникомъ (!!!) у нихъ, у евреевъ, для ихняго „колѣна израильскаго“, соблазняя его въ своемъ родѣ „обширностью прихода“. — „Ты тутъ у себя и для одного своего семейства служишь, поклоняешься, читаешь молитвы; а у насъ то-же будешь дѣлать — для цѣлаго народа“. Не поразительно-ли, не разить-ли въ голову нашихъ богослововъ, какъ громъ среди яснаго неба! Центръ дѣла, очевидно: „тѣ-же богослуженіе будешь править, какъ у себя и для себя“. Какое-же

„богослуженіе“, главное — кому же?! Вѣдь „у финикіянь — своя религія“, „у евреевъ — своя“, и между ними — „никакого сходства, полная вражда“ (историки и богословы). А дѣло „приходится“ и Библия сказываетъ, что „онъ годился имъ въ священники“. „Рука“ и „перчатка“ и „рука входитъ въ перчатку“. Значитъ, она — „моя“, или — „мы носимъ одинъ номеръ“. Явно и очевидно, что при возможной разницѣ въ именахъ, какъ „Иванъ“ и „Іоганнъ“, суть и идея и чувство поклоненія были абсолютно тождественны у финикіянь и у евреевъ, и мы даже чувствуемъ — въ чемъ: оба племени и обѣ религіи молились одному и тому же богу или однимъ и тѣмъ же богамъ плодородія и чадородія, и какъ предметъ и содержаніе молитвъ было одно, то и тембръ не только однихъ молитвъ, но и разговоровъ (Илія Фесвитянинъ и вдова Сарепты Сидонской) и всей вообще цѣлостной цивилизаціи былъ одинъ и совершенно неразличимый ни для „соглядатаевъ“, ни для поздняго пророка израильскаго. Историки „раздѣлили“ тамъ, гдѣ весь текстъ Библии говоритъ: „соедини“, ибо „тутъ только разница въ подробностяхъ и именахъ“. Тогда мы вдругъ открываемъ, почему Авраамъ, т. е. еще до зачала евреевъ, встрѣчаетъ въ Ханаанѣ Мелхиседека — „священника Бога Вышняго“ (Бытіе, гл. 14). „Израиль“ начался гораздо ранѣе Израіля: и Авраамъ, осѣдая около „дуба Мамврійскаго“, былъ каплею, капнувшюю въ свое море, какъ и изъ „своего“ же моря, около Ура Халдейскаго, онъ вышелъ. Сейчасъ намъ объясняется вся запутанность израильской исторіи: Соломонъ поклонился Астартѣ, но вотъ единственная въ исторіи по колориту и настойчивости просьба Авраама: „вотъ я рѣшилъ говорить Владыкѣ, я — прахъ и пепель: можетъ быть до пятидесяти праведниковъ не достанетъ пяти, неужели за недостаткомъ пяти — ты истребишь весь городъ“ (Бытіе, 18). Онъ — не недругъ князю спаленныхъ позднѣе городовъ: „Поднимаю руку мою къ Богу Всевышнему, что даже нитки и ремня изъ обуви не возьму изъ того, что принадлежитъ тебѣ“, говоритъ онъ князьку, возвращая ему скоть и имущество, отнятое обратно у кочевыхъ хищниковъ (Бытіе, глава 14). И совершенно также понятно, что Хирамъ, царь тирскій, встрѣчая посланцевъ отъ Соломона, пришедшихъ за зодчими, говоритъ: „благословенъ нынѣ Господь, который далъ Давиду сына мудраго для управленія этимъ многочисленнымъ народомъ“ (третья книга Царствъ, глава 5) — т. е. онъ говоритъ Израильскую молитву, какъ и зодчіе, специально храмовые, не спрашиваютъ у Соломона плановъ постройки — но воздвигаютъ все, что и какъ нужно. „Мы тамъ нашли терафимъ и ефодъ, — что намъ дѣлать?“ Но, можетъ быть, неразличимое для соглядатаевъ, неразличимое для Соломона, неразличимое и для насъ (воскличаніе сидонянки-вдовицы) — было различно однако всегда для пророковъ? Но нѣтъ, отъ имени израильскаго Бога говоритъ Іезекіиль о финикійскомъ Тирѣ: „ты — печать совершенства, полнота мудрости; ты находился въ Едемѣ, въ саду Божіемъ; ты былъ помазаннымъ херувимомъ, чтобы осѣнять, — и

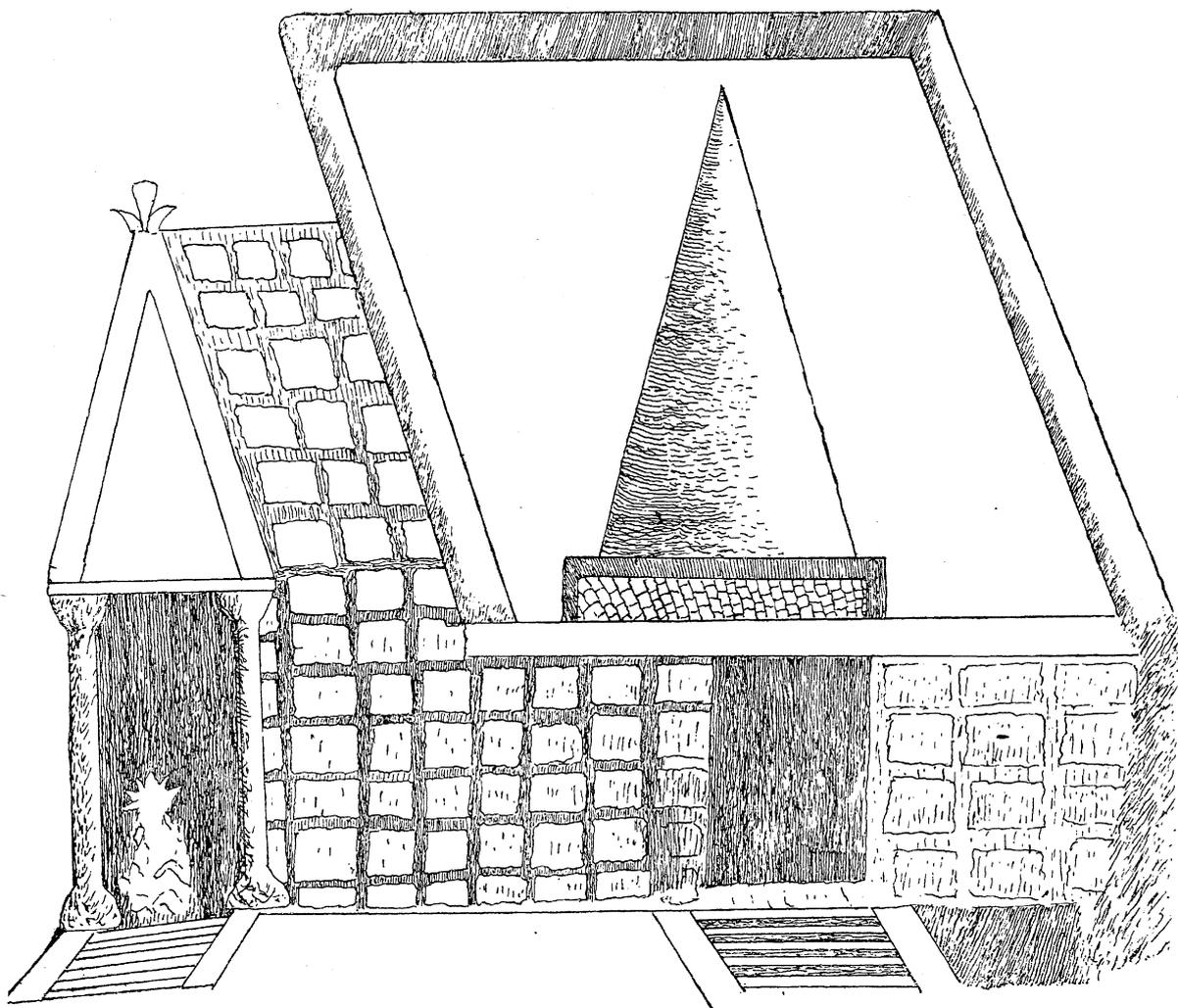

Рис. 22. Образец фини́йского Святилища. Святилище въ городѣ Библосѣ, на берегу Средиземнаго Моря. Стѣна преднамѣренно невысокая. Крыши нѣтъ. Святилище безъ сомнѣнiя было обсажено невысокими деревьями и цвѣтами. Внутри его на высокоомъ, выше храмовой стѣны, постаментѣ поднимался въ голубое небо чтимый фетишь. И святилища-то изъ-за деревьевъ и изъ-за построекъ городскихъ не было видно, а только на небѣ и горѣлъ одинъ этотъ фетишь, какъ земное солнце подъ небеснымъ солнцемъ. И фини́яне и фини́янки (фетишь — мужской), гдѣ бы ни проходили по городу, оглядываясь въ сторону святилища, — постоянно видѣли чтимый фетишь, какъ-бы „положеннымъ на тверди небесной“. Таково (я наблюдалъ) всегда впечатлѣнiе линейнаго или удлиненнаго, безъ уступовъ и вообще безъ рисунка въ себѣ, предмета, если онъ „прямо врѣзывается въ небо“ и если на него смотришь не очень близко. Изображенiе взято съ бронзовой монеты города Библоса въ пору подчиненiя Фини́и Риму, и увеличено мною въ 36 разъ. (Слѣды монеты уничтожены).

Я поставилъ тебя на то; ты былъ на святой горѣ Божіей, ходилъ среди огнистыхъ камней; ты совершенъ былъ въ путяхъ со дня сотворенія твоего“ (Иезекииль, глава 28). „Со дня сотворенія“, — это-же должно, въ устахъ израильскаго и нашего пророка, что нибудь значить для недоумѣвающихъ очей историковъ?! „Съ сотворенія это былъ Мой любимый, Мною благословляемый городъ“. Неужели это ихъ не потрясаетъ? Мы понимаемъ тогда родникъ неудержимыхъ отпаденій Израильскаго и потомъ наконецъ Іудейскаго царства въ финикійскій культъ: — отпаденій въ самую творческую и оригинальную собственную пору, сейчасъ послѣ Давида и Соломона, въ стадію пророчества. „Чтили Господа, но поклонялись и Астартѣ“ — вотъ строка, въ которую укладывается классическій періодъ Израиля; мы ничего въ немъ не поймемъ, если не обратимъ вниманія, что многія самыя типичныя, самыя возвышенныя и до сихъ поръ повторяемыя у насъ въ церквахъ слова, реченія, строки — суть именно „дыханіе“ Астарты. Кто была Руѳь? — Она была моавитянка, т. е. поклонница Хаммуса (четвертая кн. Царствъ, глава 23, стихъ 13). Но кто былъ Іовъ? — Изъ земли Уць, въ сѣверной Аравіи, куда 12 колѣнъ не простирались. Т. е. передъ „долготерпѣливостью“ Іова, кротостью сидонской вдовицы, преданностью и чистотой Руѳи — потомки халдеевъ Исаака и Ревекки преклонились, какъ и мы доселѣ преклоняемся. Но откуда же мучительный гнѣвъ на это пророковъ? Мы ничего въ этомъ не поймемъ, пока не обратимъ вниманія на составъ гнѣва и на одну маленькую современную намъ подробность. Гнѣвъ льется на самое имя, на лицо „иныхъ боговъ“, не затрогивая такъ сказать „дыханіе“ поклоненія, его внутренній нервъ, его внутреннее существо; онъ не противъ „материнства“ Астарты, но — противъ того, чтобы молитва „материнства“ относилась къ Астартѣ, когда должна быть (у евреевъ) отнесена къ Іеговѣ. Вотъ тембръ, вотъ линія уклона и содержаніе всѣхъ пророчествъ. „И высоты, которыя передъ Іерусалимомъ, направо отъ масличной горы, которыя устроилъ Соломонъ, царь Израилевъ, Астартѣ, мерзости Сидонской, и Хамусу — мерзости Моавитской, и Милхому — мерзости Аммонитской — ихъ осквернилъ Хелкія; и изломалъ статуи, и срубилъ дубравы, и наполнилъ костями человѣческими это мѣсто“ (четвертая книга Царствъ, гл. 23). Вотъ строка, — типичная и однообразная у пророковъ Израиля и у писателя книги Царствъ, — которая и запутала малодумныя головы новыхъ историковъ. Тутъ такъ ясно выговорено „мерзость“, что какого-же труда стоитъ повторить „мерзость“ и увѣрять древле и вновѣ, что все „тирское и сидонское“, все слѣдовательно „отъ Руѳи“ и „отъ вдовицы Сарепты Сидонской“, было по существу и дѣлу для пророковъ — „мерзостью“. По существу, по содержанію, по духу, по всему. Между тѣмъ, вѣдь сами-же экзегеты Библии говорятъ, да и пророки тоже говорятъ совершенно прямо, что „Богъ Израиля“ есть „супругъ Израиля“.

Это такъ очевидно и такая „альфа“ всего дѣла, что споровъ объ этомъ нѣтъ и не предвидится. Изъ нея-то, изъ этой „альфы“, и вытекаетъ все дѣло и объясняются всѣ пророчества и ихъ неуклонно однообразный тонъ. Да они такъ и говорятъ, т. е. Богъ Израилевъ устами ихъ такъ и говоритъ своему народу: „дѣти ваши — болѣе не мои дѣти, а — дѣти мерзости сидонской“, „мерзкаго Ваала и Астарты“, — какъ только евреи начинали вступать въ смѣшанные браки съ финикиянами, съ египтянами, съ моавитянами и аммонитянами. И — исключительно къ этимъ-то смѣшаннымъ бракамъ слова эти и относятся. Какъ и до сихъ поръ анаѳема синагоги грозитъ каждому еврею и каждой еврейкѣ за всякій смѣшанный съ чужеродцемъ бракъ, за смѣшиваніе кровей, за смѣшиваніе сѣмени. Историки-же приняли это за смѣшеніе исповѣданій, говоря нашимъ языкомъ — за смѣшеніе „символовъ вѣры“, за „переходъ изъ религіи въ религію“, за богослужебную, храмовую измѣну. Между тѣмъ, какому-же супругу сладко, что дѣти „рождаются не отъ него?“ И вотъ — гнѣвъ, ярость, типическій гнѣвъ ревнованія... Въ этомъ и лежатъ всѣ пророки, — читайте!!! Въ этомъ и еще ни въ чемъ другомъ. Ни въ чемъ и никогда въ другомъ!!! Читайте, читайте, читайте!!! Раскройте глаза на истину. Но вѣдь существо-то дѣла, самое-то плодородіе, самая-то музыка „вдовы Сарепты Сидонской“ или „Авраама съ Саррою у дуба Мамврійскаго“ остается одною и тою-же, именно — плодородною, именно — чадородною. Говоря деревенскимъ языкомъ и говоря исключительно для истолкованія истины историкамъ: — „хоша отъ Ивана, хоша отъ Петра: а дѣло — одно“. Тутъ-то и разверзаются глубины исторій, всеосвящующія: что въ поклоненіи и его сути никакой разницы у древнихъ народовъ не было, — отчего „римскія жертвоприношенія и принимались въ Іерусалимскомъ храмѣ“, а что разница была „въ именахъ“ и „на чье имя записывать дѣтей“, ну — и въ зачатіи дѣтей именно отъ израильтянина, и — съ страшнымъ запретомъ о чужой крови и о чужомъ сѣмени. У римлянъ „законно-римское“, и у евреевъ „законно-еврейское“. Но однако суть-то и дѣло — одно!!! Дѣло — крови, дѣло — сѣмени; и дѣло — кровно-сѣменнаго соединенія. Еще скажемъ: дѣло — породы, традиціонно „вѣрнаго“ происхожденія отъ того-же предка, со страшными заклятіями противъ допущенія чужихъ кровей. Читайте! Читайте! Читайте! — Видьте, видьте: ничего кромѣ глазъ, кромѣ очковъ и текста не нужно!!! ¹⁾

¹⁾ Какъ это огненно сказано: „Слово Господне къ Осіи, во дни.. Іероваама, царя Израильскаго. Начало слова Господня къ Осіи. И сказалъ Господь Осіи: — Или, возьми себѣ жену блудницу и роди дѣтей блуда; ибо сильно блудодѣйствуетъ земля сія, отступивъ отъ Господа. И пошелъ онъ, и взялъ Гомерь, дочь Девилаима; и она зачала, и родила ему сына. И Господь сказалъ ему: нареки ему имя Израель; потому что еще немного пройдетъ времени и Я положу конецъ царству дома Израилева. И зачала еще, и родила дочь, и Онъ сказалъ ему: нареки ей имя Лорухама (Непомилованная); ибо Я уже не буду болѣе шадить дома Израилева, чтобы прощать имъ. А домъ Іудинъ помилую. И, откормивъ грудью Непомилованную, она зачала, и родила сына. И сказалъ Онъ: — нареки ему имя Лоамми (не Мой народъ), потому что вы не Мой народъ, и Я не буду вашимъ Богомъ. Судитесь съ вашею матерью, судитесь; ибо она не жена Моя,

Такимъ образомъ, вотъ гдѣ коренится гнѣвъ пророковъ, — весь и прямо примыкающій къ „завѣту обрѣзанія“ Авраамова. Весь — только поддерживающій этотъ завѣтъ, напоминающій о немъ, проклинаящій каждаго, кто отъ него отстуетъ. Вездѣ пророки отторгаютъ Израиля „отъ служенія богамъ инымъ“, т. е. не отъ храмоваго и молитвеннаго служенія (мысль историковъ), а совершенно, совершенно отъ другого „служенія“: отъ служенія въ „крови“ своей и „наслѣдникахъ“ своихъ... Мы такъ и слышимъ изъ-подъ этихъ строкъ опредѣленіе Богомъ Себя Моисею: „Азъ есмь огонь поядающій—Богъ ревнующій“ (Второзаконіе, глава 4, ст. 24). Огонь ревности чисто супружеской есть въ то-же время огонь религіозной ревности Израиля — „къ инымъ богамъ“. Мѣсто Астарты — въ Тирѣ; тамъ ея — „10 или 15 колѣнъ“. И съ высоты Универса, для поклоняемаго „Ока“ — „Тиръ совершенъ въ путяхъ своихъ со дня сотворенія своего“ (Іезекииль). Но это именно — въ Тирѣ и объ Тирѣ. А съ земли, откуда идетъ молитва, изъ „12“ израильскихъ колѣнъ — уклониться къ этой тирской Астартѣ — не по существу ея, а потому что она есть „тирская“ — значитъ уже уклониться въ „блудъ съ иными богами“. Да это такъ прямо и выражено, напр. у Іезекиіля: „Я (Богъ) проходилъ мимо тебя (Израиля) — и вотъ это было время твое, время любви. Ты достигла превосходной красоты — поднялись груди и волоса у тебя выросли. И простеръ Я воскрилія Мои на тебя, и покрылъ наготу твою; и поклялся тебѣ, и вступилъ въ союзъ съ тобою, говоритъ Господь Богъ — и ты стала Моею“ (Іезекииль, гл. 16)... „Но ты понадѣялась на красоту свою и, пользуясь славою твоею, — стала блудить... съ сынами Египта... съ сынами Ассура... въ землѣ Ханаанской, до Халдеи“ (та-же глава у Іезекиіля). Тонъ и мысль этого — у всѣхъ пророковъ.

и Я не мужъ ея; пусть она удалитъ блудъ отъ лица своего и прелюбодѣяніе отъ грудей своихъ, дабы Я не разоблачилъ ее до-нага, и не выставилъ ее, какъ въ день рожденія ея. И дѣтей ея не помилую, потому, что они дѣти блуда. Ибо блудодѣйствовала мать ихъ, и осрамила себя зачавшая ихъ; ибо говорила: „пойду за любовниками моими, которые даютъ мнѣ хлѣбъ и воду, шерсть и ленъ, елей и напитки“. За то вотъ, Я загорожу путь ея тернами, и обнесу ее оградю, и она не найдетъ стезей своихъ; и погонится за любовниками своими, но не догонитъ ихъ; и будетъ искать ихъ, но не найдетъ, и скажетъ: „пойду я, и возвращусь къ первому мужу моему; ибо тогда лучше было мнѣ, нежели теперь“. А не знала она, что Я, Я давалъ ей хлѣбъ и вино и елей, и умножилъ у неѣ серебро и золото, изъ котораго сдѣлала *истукана* Ваала. За то Я возьму назадъ хлѣбъ Мой въ его время и вино Мое въ его пору, и отниму шерсть и ленъ Мой, чѣмъ покрывается нагота ея. И нынѣ открою срамоту ея передъ глазами любовниковъ ея, и никто не исторгнетъ ее изъ руки Моей. И прекращу у нея всякое веселіе, праздники ея, и новомѣсячія ея, и субботы ея, и всѣ торжества ея. И опустошу виноградныя лозы ея и смоковницы ея, о которыхъ она говоритъ: „это у меня подарки, которые надарили мнѣ любовники мои“; и Я превращу ихъ въ лѣсъ, и полевые звѣри поѣдятъ ихъ. И накажу ее за дни служенія Вааламъ, когда она кадила имъ, и, украсивъ себя серьгами и ожерельями, ходила за любовниками своими, а Меня забывала, говоритъ Господь. Посему вотъ, Я увлеку ее, приведу ее въ пустыню, и буду говорить къ сердцу ея. И дамъ ей оттуда виноградники ея и долину Ахоръ, въ преддверіе надежды; и она будетъ пѣть тамъ, какъ во дни юности своей и какъ въ день выхода своего изъ земли Египетской. И будетъ въ тотъ день, говоритъ Господь: ты будешь звать Меня „мужъ мой“, и не будешь болѣе звать Меня: „Ваали“ (Господинъ мой). И удалю имена Вааловъ отъ устъ ея, и не будутъ болѣе воспоминаемы имена ихъ. И обручу тебя Мнѣ навѣкъ, и обручу тебя Мнѣ въ правдѣ и судѣ, въ благи и милосердіи. И обручу тебя Мнѣ въ вѣрности, и ты познаешь Господа. И помилую Непомилванную, и скажу не Моему народу: „ты — Мой народъ“, а онъ скажетъ: „Ты — мой Богъ!“

Если мы примемъ во вниманіе, что рѣшительно духу всего Израиля и духу всей Библии противенъ способъ риторической изобразительности, манера „образовъ“ только украшающихъ, то мы догадаемся, что здѣсь дѣло идетъ о дѣйствительности, т. е. о дѣйствительномъ ощущеніи, о способѣ „познавать“ Бога, который снова обращаетъ наши глаза къ вершинѣ Вавилонскаго храма, къ „бреду“, показавшемуся „неправдоподобнымъ вымысломъ“ Геродоту, и который однако и составляетъ глубочайшую и собственно всю тайну семито-хамитическаго Востока. Маленькая подробность, сейчасъ сохраняющаяся, вдругъ объяснить и подтвердить эти древнія тайны: у евреевъ до сихъ поръ „выйти изъ религіи“, „отречься отъ Бога отцовъ своихъ“ — и значить плотски разорваться ¹⁾ въ ухахъ съ племенемъ своимъ, напр. черезъ бракъ съ чужеродцемъ; т. е. „вѣрность Богу“, твердость „религіозная“ проходитъ нитью именно въ брачномъ ритмѣ „со своимъ“. Это именно прозрачный „ле-виратъ“, истончившееся въ утренній туманъ „ужество“, связавшее все племя —

По вѣчнымъ, великимъ законамъ...

И плотская ткань его не была бы святою, неугасающею въ исторіи, не дырявливающейся въ тысячелѣтіяхъ, если бы въ самое „снованіе челнока“ дѣйствительно не входило „дыханіе“ Божіе ²⁾, и такъ сказать, существо Божіе не составляло бы суть вѣчной ткани. По крайней мѣрѣ, это такъ въ представленіяхъ пророковъ, и безспорно — въ ощущеніи Израиля, по крайней мѣрѣ въ классическую пору его существованія, отъ котораго слѣдъ сохраняется въ теперешнихъ обычаяхъ, „предразсудкахъ“, инстинктахъ. Но это самое ощущеніе и составляетъ „дыханіе“ всѣхъ странъ о рѣзанія: — оно есть въ планѣ и мысли Вавилонскаго храма, въ „милостынѣ“ Милиттѣ, „около-храмныхъ“ дубравахъ, въ куреніи Товіи, „миндалинкахъ скиніи“; и, наконецъ, въ неизъяснимомъ представленіи египтянъ, что „Аписъ зачинается отъ нисходящаго съ неба на корову луча свѣта, отъ коего она и рождаетъ его, послѣ чего она уже никогда вторично не можетъ быть стельною“ (Геродотъ, третья книга, глава 27). Здѣсь общее и собственно единственно-важное — субъективное ощущеніе „высоты“ брачнаго ритма, его „чистоты“ и, наконецъ, „святости“ — которое зажгло

¹⁾ Однако первая жена Соломона была египтянка; Моавитянка Руоъ стала женою Вооза; халдеянка Ревекка — женою Исаака; хананеянки бывали женами царей Израильскихъ. Въ предѣлахъ „обрѣзанія“, т. е. „высокаго“ представленія — бракъ возможенъ, хотя чуть-чуть затрудненъ („иные боги“). Но онъ совершенно невозможенъ съ племенами „низкаго“ представленія о брачномъ ритмѣ, напр. съ нами. Мы, по нравамъ и обычаямъ, „упиваясь виномъ“, впадая въ „скотоподобіе“, „допускаемъ“ себя до ритма: это, мы учимся, — „животная“ сторона нашей природы, коей мы дѣлаемъ невольную „уступку“. Евреи, не входя въ наши разсужденія, но принимая во вниманіе наши чувства, и испытываютъ чувство гнусности отъ полового съ нами общенія; они не хотятъ нисходить изъ „храма“ въ „хлѣвъ“; и какъ по Второзаконію — „всякая, которая становится передъ скотомъ, да будетъ душа той истреблена изъ народа своего“, — убиваютъ или почти убиваютъ, хотя „истребить“ еврейку, рѣшившуюся „стать передъ“ не-евреемъ.

²⁾ „И посѣтилъ Господь Анну, и зачала она, и родила еще трехъ сыновей и двухъ дочерей“ (Первая книга царствъ, глава 2, стихъ 21).

лампады, „подняло“ храмъ Бела, насадило „дубравы“ и создало, какъ у Израиля, весь необозримый ритуаль „очищеній“, „курений“, „новомѣсячій“, „субботъ“. Но мы все это оговариваемъ, чтобы объяснить грозную и ужасавшую всѣхъ историковъ манифестацію религиознаго чувства въ „правомъ отъ дней рожденія своего“ Тирѣ. Это — ужасная курящаяся кровь дѣтей.

Вѣдь сидонянка, у которой попросилъ Илія Освятянинъ хлѣба, отвѣтила: „сѣдимъ — сынъ и я, и потомъ — умремъ“. Сынъ — впереди матери, и нужно слишкомъ не понимать существо материнское, чтобы не догадаться, что дитя и всегда вездѣ предносится матерью. Но вотъ оно возносится въ „огнь поѣдающей“. — „Сожигали сыновей своихъ въ огнѣ Адрамелеху и Анамелеху, богамъ Сепарвимскимъ, между тѣмъ чтили и Господа“ — читаемъ мы въ главѣ семнадцатой 4-ой книги Царствъ. Вотъ поразительная тайна, отчасти Израиля, но главное — „жестокой“ Финикии. — „Отецъ, гдѣ же жертва?“ — спросилъ Исаакъ Авраама, неся дрова. — „Узнаешь, сынъ мой“, — отвѣчалъ Авраамъ. Вотъ діалогъ изъ Бытія, единственный полный очеркъ таинственнаго акта, гдѣ намъ вскрыта и его психологія. Въ діалогѣ этомъ — столько кротости и преданности волѣ Божіей, что онъ закрался кой-гдѣ и въ церковныя наши пѣснопѣнія (какъ образъ, сравненіе); т. е. въ эти пѣснопѣнія мы завили, какъ драгоценную нить, единственную донесшуюся до насъ черту изъ внутренней стороны непонятныхъ жертвъ. „Какъ Исаакъ, несущій дрова для собственнаго закланія“...

Что такое жертва? Это — то, что всегда трудно, это — то, въ чемъ выражена особенная любовь. Мы „стоимъ“ въ храмѣ, и сочли бы непозволительнымъ для себя — сѣсть; есть „долгія“ и трудныя „стоянія“, на которыя особенно торопится народъ; паломники предпочитаютъ „идти“ въ Кіевъ, а не ѣдутъ туда по желѣзной дорогѣ. Величина, тягость жертвы — всегда въ мѣру вѣры; и даже когда нищенка затепливаетъ

...свѣчу
Воску яраго

— она урываетъ копейку изъ пищи и прибавляетъ ее къ стоимости свѣчи. Это — всегда, это — вездѣ; въ этомъ — смыслъ религіи, что мы хотимъ и даже спѣшимъ въ ней „жертвовать“. Дитя предносится матерью, и въ немъ она болѣе, чѣмъ себя, жжетъ. Вотъ свѣча, достигающая неба — единственная въ исторіи свѣча: и мы предполагаемъ, что было и въ основаніи ея что-то единственное въ исторіи по яркости, по силѣ, т. е. соотвѣтственно предмету — по глубинѣ и нѣжности, религиозное чувство. Гдѣ мы не въ силахъ прямо постигнуть дѣла, мы должны искать ему аналогій, подобій. Это — костры въ Испаніи. Какъ ужаснулись бы мы, если-бы кто-нибудь подумалъ, что они были „потребованы свыше“. И это — жертва, видъ человѣческаго „усердія“:

